

KARJALA

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА
А. Ю. ОСИПОВ

В ПУЧИНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

КАРЕЛЫ В ПОИСКАХ
СТРАТЕГИЙ ВЫЖИВАНИЯ

1917–1922

Марина Витухновская-Каушпала

**В пучине гражданской войны.
Карелы в поисках стратегий
выживания. 1917–1922**

«Нестор-История»

2021

УДК 94
ББК 63.3(2)612

Витухновская-Кауппала М.

В пучине гражданской войны. Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922 / М. Витухновская-Кауппала — «Нестор-История», 2021

ISBN 978-5-4469-2003-7

Книга посвящена событиям гражданской войны, развернувшимся на территории Российской Карелии. В 1918-1922 годах карельские регионы находились в фокусе противостояния различных военных и политических сил: здесь воевали отряды Красной армии и белого Северного правительства, подразделения Антанты и красных финнов, карельский отряд и финские добровольческие части. Значительное внимание уделяется роли молодого финского государства и группы финских активистов, инспирировавших три добровольческих похода в Карелию. В центре монографии — карельское крестьянство. Используя неизвестные российскому читателю материалы финских архивов, авторы анализируют политическую психологию карельского крестьянина, оказавшегося в центре ожесточённого военного противостояния, и показывают наиболее яркие проявления крестьянских стратегий. Читатель впервые получает возможность познакомиться с рапортами и воспоминаниями финских добровольцев, интервью и воспоминаниями карельских крестьян — участников событий — и финских политиков, материалами финского Генерального штаба и другими уникальными документами. В монографии уделяется особое внимание таким, всё ещё малоизученным проявлениям крестьянского активизма, как Карельский полк и Временный Комитет Беломорской Карелии, возглавлявший карельское квазигосударственное образование на северо-западе региона. Отдельные главы посвящены созданию Карельской Трудовой коммуны и Карельскому восстанию, ставшему последней попыткой создания независимого, небольшевистского карельского национального государства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4469-2003-7

© Витухновская-Кауппала М., 2021
© Нестор-История, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1	10
Глава 2	20
2.1. История карельского этноса	20
2.2. Проект «Великой Финляндии» и карелы	23
2.3. Финский активизм и карельский вопрос	26
2.4. Карелы в экономическом поле Финляндии	28
2.5. Специфика национальной идентичности карельских крестьян: «народный протонационализм»	30
Глава 3	36
3.1. Февральская революция и национальный вопрос	36
3.2. От Союза беломорских карел к Карельскому просветительскому обществу	38
3.3. Карелы о проектах будущего	42
3.4. Июльский съезд в Ухте и проекты национальной автономии	46
Глава 4	49
4.1. После Октябрьского переворота	49
4.2. Политика продовольственной диктатуры в карельских районах Олонецкой губернии	51
4.3. Крестьянские восстания в Олонецкой Карелии	55
4.4. Присоединение Ребольской волости к Финляндии	57
Глава 5	61
5.1. Гражданская война в Финляндии и карельский вопрос	63
5.2. Подготовка финского «освободительного похода» в Беломорскую Карелию	67
5.3. Финские добровольцы в Беломорской Карелии: столкновение мифа с реальностью	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Марина Александровна Витухновская-
Кауппала, Александр Юрьевич Осипов**
В пучине гражданской войны
Карелы в поисках стратегий выживания
1917–1922

* * *

© М. А. Витухновская-Кауппала, А. Ю. Осипов, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

Введение

Гражданская война привлекает к себе всё более пристальное внимание историков. Выходят в свет десятки монографий и сотни статей, внимательно изучается каждый из узлов ожесточённого общегражданского противостояния. Мы всё яснее начинаем различать те многочисленные и разнонаправленные политические и военные силы, которые противостояли друг другу в 1917–1922 годах, выявлять реальные двигательные механизмы, которые вызвали к жизни эту драматическую борьбу «всех против всех». Уже совершенно ясно, что в ожесточённых битвах участвовали не две (красные и белые) и даже не три (те же и зелёные), а гораздо больше разнообразных сил, каждая из которых должна быть пристально изучена. Углубляется анализ региональных аспектов братоубийственного конфликта, ставшего одной из самых серьёзных драм в российской истории. Авторы надеются, что их работа внесёт некоторый вклад в разрастающуюся историографию и поможет расширению и углублению знаний о российской гражданской войне.

В годы гражданской войны территория Российской империи переживала бурный процесс фрагментации, цельное имперское пространство на глазах распадалось. Карта страны представляла собою мозаику, фрагменты которой находились в постоянном броуновском движении, делились, сталкивались друг с другом или соединялись в новых конфигурациях. Написание фундаментальной истории гражданской войны, понимание логики событий того времени невозможно без пристального взгляда в сложнейшие процессы, протекавшие в каждом из регионов страны. Предлагаемая читателю книга призвана заполнить одну из ячеек этого гигантского пазла. Авторы поставили перед собой задачу показать те сложные и динамичные процессы, которые происходили в годы гражданской войны в населённом карелами северо-западном регионе империи, какие факторы определяли происходившие в этом регионе события, и как карельское население, оказавшееся под воздействием разнообразных, часто враждебных друг другу сил и под угрозой надвигавшегося голода, искало стратегии своего коллективного выживания.

В подавляющем большинстве население Карелии составляли крестьяне, и поэтому их политическое поведение, выбор ими того или иного образа действий в гражданском конфликте в своих основных чертах близки к тем, которые выбирали для себя крестьяне в разных регионах России. Участие крестьян в гражданской войне пристально изучается все последние годы, и одним из важнейших итогов этой работы стало понимание, что крестьянство было не столько пассивным объектом воздействия различных сил, сколько самостоятельным актором происходивших событий. Крупнейшими крестьяноведами В. П. Даниловым и Т. Шаниным выработана концепция крестьянской революции в России, подкреплённая основательной источниковой базой¹. Начата крайне важная работа по выявлению элементов крестьянского самосознания, в нескольких работах производится попытка проникнуть в глубины народной идентичности, обнаружить внутренние мотивы действий крестьян². Опубликованы тысячи документов, даю-

---

¹ В. П. Данилов писал: «Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно» (*Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 319*). См. также: *Данилов В. П., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / отв. ред. В. Данилов и Т. Шанин. Тамбов, 1994. С. 5–6, доступно также: <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/proekt.htm> См. также: *Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (социальные и экономические результаты). Вологда, 2002.**

² *Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Он же. История людей в истории эпохи: новгородское общество 1918–1930-х гг. в документах ГАНИНО // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930 гг.: сб. документов в двух книгах. Кн. 1. СПб., 2006. С. 3–10. В этой связи нельзя не упомянуть монографию И. В. Нарского, который одним из первых обратился к проблеме*

щих ёмкое представление о жизни послереволюционной деревни³. Авторы считают предлагаемую работу частью этого историографического направления.

В многонациональной России с её этнически пёстрым населением народные волнения не могли не облекаться в ряде случаев в форму национальных выступлений. Национальные движения, восстания и бунты, однако ещё недостаточно исследованы как особое специфическое явление. А между тем судить о мотивации действий крестьян разных регионов и разных национальностей, ограничиваясь лишь социо-экономическими основаниями, не всегда возможно. Наше исследование, проведённое на материале гражданской войны в карельских районах России, позволяет сделать вывод о сложном сочетании социальных, экономических и национальных мотивов в действиях карельского крестьянства в 1917–1922 годах. Более того – выявленный нами материал показывает, что многократно возросшее во время послереволюционных событий силовое, экономическое, политическое и социальное давление на крестьян-карел сыграло роль катализатора в их национальном становлении. Оказавшись в эпицентре разнонаправленных действий, карельские крестьяне вынужденно вырабатывали различные стратегии выживания, о которых и пойдёт речь в нашей работе. Причём социальной психологии и стратегиям пробольшевицки ориентированного крестьянства, наиболее пристально изучавшимся в советский период, в нашей работе будет уделено меньшее внимание, чем стратегиям иных групп карельского крестьянства⁴.

Населённый карелами регион располагался в российском пограничье, и был исторически теснейшим образом связан с Финляндией. Получившее независимость в конце 1917 года финское государство активно выстраивало национальный миф, частью которого должна была выступать идея «Великой Финляндии». Это проектируемое государственное образование, по мнению финских национальных активистов, должно было бы вобрать в себя и карельские регионы России. Карелия и карелы, таким образом, становились важной составляющей финской внешней, а в большой степени и внутренней политики. Именно поэтому в нашей работе внутрифинским процессам и внешней политике молодой республики уделяется обширное место. Сложные отношения, которые в разные периоды связывали регионы Российской Карелии с Финляндией, были одним из важнейших факторов, влиявших на выбор карелами направлений их развития. Спектр этих отношений был весьма широк – от выталкивания финских войск из Беломорской Карелии в 1918 году до просьб о присоединении к Финляндии, поступавших в разные годы из различных волостей Карелии.

Финляндия играла особую роль в ряде эпизодов гражданской войны в Карелии, и неудивительно, что на протяжении многих десятилетий здесь публиковались исследования, документальные свидетельства и воспоминания, связанные с этими драматическими событиями.

выживания «маленького человека» в условиях гражданской войны (*Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001).

³ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ЧК-ОГПУ) / сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: документы и материалы в 4 томах / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998–2005; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 г.: документы и материалы / ред. В. Данилов, Т. Шанин. М., 2002. Серия «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»: документы и материалы.

⁴ См. например: *Афанасьева А. И.* Организация добровольческих отрядов Красной Армии в Карелии // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии: Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1960. Вып. 24. С. 13–23; *Она же.* Создание и деятельность рабселькоровских организаций в Карелии // Большевицкое руководство государственными и общественными организациями трудящихся: 1917–1920 гг.: межвуз. сб. Петрозаводск, 1984. С. 155–164; *Балагуров Я. А.* Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1958; Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: сб. документов и материалов / под ред. В. И. Машезерского, Н. Ф. Славина. Петрозаводск, 1957; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии / отв. ред. Е. С. Гардин. Петрозаводск, 1957; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов / ред. Я. А. Балагуров, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964; *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978; Советы Карелии 1917–1992 гг.: документы и материалы / науч. ред. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 1993; *Шумилов М. И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

Мы сочли необходимым пояснить те географические термины, которые принято использовать в финской традиции. Так, Российская Карелия называется в Финляндии Восточной Карелией (*Itä-Karjala*), – в отличие от населённых карелами частей Финляндии (т. н. Южная и Северная Карелии). Та часть Российской Карелии, которая относилась к Кемскому уезду Архангельской губернии, традиционно называется в Финляндии Беломорской Карелией (*Vienan Karjala*), в отличие от принятого в дореволюционной русской литературе понятия Архангельская, или Кемская, Карелия. Это географическое понятие нередко употреблялось и в российской традиции, а сейчас оно является преобладающим в российской исторической литературе. В нашей работе мы также используем ставшее уже привычным название Беломорская Карелия.

* * *

Гражданская война была одним из наиболее трагических событий в истории России. Ожесточённое и братоубийственное противостояние, длившееся в Российской Карелии на протяжении почти пяти лет, как в миниатюре отражает те сложнейшие процессы, которые переживала вся Россия. Здесь так же брат шёл на брата, здесь раскалывались семьи и крестьянские сообщества, здесь лилась кровь, люди теряли всё нажитое и самое дорогое, вплоть до собственной жизни. В карельской драме не было выигравших; на этом небольшом пространстве к концу войны оставалась выжженная земля – заросшие поля, разгромленные усадьбы, опустевшие хлева и голодающие люди. Десятки тысяч жителей края оставили родные места и вкусили на чужбине горький хлеб беженства.

Карельская драма описана в художественной литературе писателями, бывшими плоть от плоти и кровь от крови своего народа⁵. Однако гражданская война в Карелии совершенно недостаточно отражена в научной литературе. Авторы предлагаемой читателю книги стремятся восполнить эту лакуну. Нам кажется, что та драма, которую пережило карельское население Северо-Запада России, должна быть беспристрастно изучена и по возможности объективно запечатлена в историческом исследовании. Мы уверены, что карельские события станут одним из тех многочисленных кусочков исторической мозаики, которые, в своей совокупности, помогут воссоздать грандиозное и трагическое полотно российской гражданской войны.

---

⁵ Назовём наиболее известные из этих произведений: *Jaakkola N. Pirttiärven rantamilla*. Petroskoi, 1949. Первое полное издание на русском языке: *Яккола Н. Водораздел*. Петрозаводск, 1972, полное финское издание: *Jaakkola N. Ristiaallokossa*. Petroskoi, 1977; *Timonen A. Me karjalaiset*. Petroskoi, 1971, перевод на русский: *Тимонен А. Мы – карелы* / пер. Т. Сумманен. Петрозаводск, 1972.

Глава 1

Историография гражданской войны в Карелии

Изучение гражданской войны в Карелии с самого начала подразделялось на финскую и советскую (позже – российскую) историографические традиции, между которыми на протяжении десятилетий существовал глубокий, но вполне объяснимый разрыв⁶. События 1918–1922 годов в карельских регионах интерпретировались в финских и советских исследованиях с различных позиций, да и назывались по-разному. Если финские историки именовали военные действия, проходившие с финским участием, «*heimosodat*» (племенные войны – так называли в Финляндии походы финских добровольцев в регионы, где проживали «соплеменники»), или карельским освободительным движением, подчёркивая их национальную составляющую, то советские учёные рассматривали эти события как один из эпизодов классовой борьбы, причём всегда исходили из априори исторической правоты большевиков. Ведущий специалист по истории гражданской войны на Севере В. И. Голдин справедливо отмечает, что изучался главным образом советский лагерь, а «доминирующей тенденцией в освещении противников большевиков было не объективное расследование, а их разоблачение»⁷. В эту парадигму вписываются почти все советские исследования, посвящённые гражданской войне в Карелии.

Исследование гражданской войны в СССР в 1920-е годы было связано прежде всего с деятельностью Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б) (или Истпарта), занимавшейся сбором, изучением и изданием материалов⁸. Местные отделения Истпарта собирали и издавали материалы на местах. Карельский Истпарт был создан в 1923 году⁹, и итогом его работы стало формирование объёмного корпуса источников и их частичная публикация, а также издание исторических работ, авторами которых зачастую являлись участники событий. Несмотря на их неизбежную тенденциозность, эти работы содержали значительные массивы фактологического материала, ещё не прошедшего «шлифовку» более поздними историческими схемами¹⁰.

Несколько работ, опубликованных в 1920-е годы, было посвящено интервенции союзников на Севере и деятельности белого правительства Е. К. Миллера, однако, как правило, сюжеты, связанные с Карелией, в них присутствуют в очень малой степени¹¹. В то же время

⁶ Отдельный и довольно скромный блок представляли собой воспоминания западных участников событий и работы западных русистов, на которых мы не будем заострять внимание в этой главе. Главным образом эти работы касались интервенции Антанты на Русском Севере. См., например: *Maynard C. M. The Murmansk Venture. L., 1928; Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Intervention and the War. I. Princeton, 1961; Swettenham J. Allied Intervention in Russia, 1918–1919, and the Part Played by Canada. L., 1967.* Особняком стоят работы английского историка Ника Барона, к которым мы обратимся позже.

⁷ *Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 14.*

⁸ *Жербин А. С. Основные этапы изучения истории Советской Карелии // Историография Советской Карелии: итоги и перспективы изучения / науч. ред. А. С. Жербин, К. А. Морозов. Петрозаводск, 1986. С. 5.*

⁹ *Терещенков Л. Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7. С. 24. См. Терещенков Л. Е. Изучение Революции 1917 года и гражданской войны в Карело-Мурманском регионе в системе историко-партийных учреждений 1920–1930-х годов: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2010.*

¹⁰ *Правда о разбойничьем набеге на Карелию. Петрозаводск, 1922; Соколов-Страхов К. И. Зимняя кампания в Карелии 1921/22 гг. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путём к нему. Л., 1927; Богданов Х. Г. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1918–1921 гг.) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10–11. С. 7–13; Хропов И. Н. Советская Карелия в борьбе за Красный Петроград // Карело-Мурманский край. 1929. № 10. С. 19–21; № 11–12. С. 25–29; Он же. Как не следует писать историю // Карело-Мурманский край. 1930. № 2. С. 6–8; № 3. С. 8–10; Он же. В борьбе с белофинской авантюрой в Беломорско-Ухтинской Карелии в 1921–1922 гг. // Красная летопись. 1933. № 2. С. 163–187; В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания / ред. И. Н. Хропов, Я. В. Олесич. М., 1932.*

¹¹ *Англичане на Севере (1918–1919 гг.) // Красный архив / под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского [и др.]. Т. 6(19). М.; Л., 1927; Миц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931; Он же.*

уникальным явлением стала публикация в СССР воспоминаний участника белого движения на Севере генерала В. В. Марушевского, в которых содержатся данные о деятельности Карельского отряда, впечатления от пребывания автора в Реболах (в ту пору принадлежавших Финляндии) и сведения о переговорах Марушевского с К. Г. Маннергеймом¹². В целом советская историография гражданской войны традиционно действовала в рамках бинарной системы, где советской власти противопоставлялись антибольшевистские силы.

К середине 1930-х годов в советской исторической науке произошли коренные изменения, и сформировалась концепция гражданской войны, которая сделала невозможным любое отклонение. Наступила эпоха сталинского «Краткого курса», который на долгие годы подчинил исторический анализ примитивной схеме. В этой схеме вся история революций 1917 года и последующих событий представлялась как движение большевистской партии к заслуженной победе. Гражданская война определялась «Кратким курсом» как результат интервенции Антанты, поддержанной контрреволюционными белыми силами.

Естественно, что национальное движение карел по этой логике интерпретировалось лишь как результат усилий «белофиннов», а процессы социального расслоения, происходившие в крестьянской среде и ставшие одной из коренных причин гражданской войны в деревне, оставались за бортом этой схемы. И хотя в послевоенное время активно издавались документы и воспоминания, писались монографии, на протяжении многих лет эти публикации были результатом строгой селекции материала и чётко встраивались в прокрустово ложе «Краткого курса».

Финская историография 1920-1930-х годов также оказалась встроена в жесткую идеологическую схему, что было обусловлено как завершившимися процессами формирования финской нации, сопровождавшимися торжеством националистической идеологии, так и господствовавшей антисоветской официальной линией. Идеология финского национализма опиралась на мечту о возрождении «Великой Финляндии» (об этой концепции см. подробнее в разделе 2.2), частью которой должны были бы стать территории Российской Карелии. Именно стремление к воплощению в жизнь этого политического концепта обусловило походы финских добровольческих частей в Олонецкую и Беломорскую Карелии в 1918 и 1919 годах, а также помощь финских бойцов в Карельском восстании 1921–1922 годов.

Неудивительно, что многочисленная литература о «племенных войнах» отражала финский националистический дискурс и повествовала о походах финских освободителей в братскую Карелию. Каждое из этих сочинений носило отчётливую антибольшевистскую и, как правило, антирусскую окраску. По подсчетам К. Иммонена, опубликованным в конце 1980-х годов в его работе с характерным названием «О рюсса¹³ можно говорить», в период с 1918 по 1939 год в Финляндии было издано 116 книг, относящихся к литературе «племенных войн», а в 46 из них была представлена идея «Великой Финляндии»¹⁴. Значительную часть научных изданий этого периода в Финляндии составили воспоминания и интервью организаторов и активных участников добровольческих походов¹⁵. Масло в огонь подливала и пресса с характерными названиями: «Газета шюцкоровца», «Племенной воин», «Финский солдат», «Финское племя».

Интервенция на Севере: в документах. М., 1933.

¹² *Марушевский В. В.* Белые в Архангельске / ред. П. Е. Щеголев. Л., 1930.

¹³ Рюсса (ryssä) – оскорбительное название финнами русских.

¹⁴ *Immonen K.* Ryssästä saa puhua. Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki, 1987. S. 315, 331.

¹⁵ *Kianto I.* Suomi suureksi, Viena vapaaksi. Sotakesän näkemyksiä. Hämeenlinna, 1918; *Kivinen L.* Muistelmia Vienan Karjalan toisen retkikunnan vaiheista. Helsinki, 1919; *Viklund A.* Aunuksen eteläisellä rintamalla. Hämeenlinna, 1919; *von Hertzen G.* Karjalan retkikunta. Jyväskylä, 1921; *Kemppainen Y.* Vienan-Karjalan retkikunnat // «Suomen vapaussota» / toim. K. Donner, T. Svedlin, H. Nurmio. VIII. Jyväskylä, 1927. S. 113–150; *Ilmarinen.* Metsäsissipäällikön muistelmat. Osa I. Karjalan metsäsissit nousivat. Porvoo, 1927; Osa II. Taistelut Karjalan vapauttamiseksi. Porvoo, 1931; *Marttina P.* Miesten syöjiltä sioilta: muisteluksia Vienan ja Aunuksen vainovuosilta. Porvoo, 1935.

Последняя издавалась Карельским академическим обществом, занимавшимся активной пропагандой идеи «Великой Финляндии»¹⁶.

Накал страстей накануне и в годы Второй мировой войны обострил заочную дискуссию советских и финских историков, превратив исторические изыскания в пропагандистский ресурс¹⁷. Обе стороны присвоили себе статус «освободителя» крестьян Карелии. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах позволила советским историкам провести параллели с событиями периода гражданской войны: основной фокус исследований был направлен на изучение военных действий. Словосочетание «разгром белофинской авантюры», характерное для названий большинства работ, изданных в 1940-е годы, было призвано продемонстрировать предыдущие попытки Финляндии аннексировать часть Карелии¹⁸.

Послевоенные советские историки, продолжавшие находиться в рамках заданной «Кратким курсом» концепции гражданской войны, не могли принципиально изменить исследовательские подходы, но с 1950-х годов ими была начата систематическая публикация источников. Отбор источников был, конечно, односторонним. Сборники документов не являлись репрезентативными и не могли представить всесторонней картины исторических событий, однако этот материал оживлял и разнообразил привычную схему, давал предпосылки для дальнейшего усложнения исследовательских подходов¹⁹.

На фоне крайне политизированной и идеологически выдержанной литературы этого периода выделяется монография И. И. Сюкияйнена «Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 гг.». Следуя в русле официальной концепции гражданской войны, автор, тем не менее, впервые предложил формулировку «карельский вопрос» применительно к событиям 1918–1920 годов. В отличие от предшественников, Сюкияйнен рассматривал проблему советско-финляндских отношений не только как военный конфликт, но и в контексте дипломатических усилий, апеллируя к мирным переговорам, имевшим место в 1918 году в Берлине и в 1920 году в Тарту (Юрьеве). Он отмечал различные цели великих держав и Финляндии, а также посвятил целую главу националистическим обществам, существовавшим в то время в Финляндии и вынашивавшим великофинские замыслы²⁰.

Характерной чертой советской историографии 1950–1960 годов стало издание монографий, призванных продемонстрировать общую картину гражданской войны и интервенции на Севере. Впрочем, событиям в Карелии в этих работах традиционно отводилась скромная

¹⁶ Roiko-Jokela H. «Suur-Suomi on yhtä kuin isänmaa»: Akateemisen Karjala-Seuran suomalaisuustyö // AKS: n tie: Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaatteen asialla / toim. M. Uola. Helsinki, 2011. S. 65–68. О деятельности общества см. также: Eskelinen H. Me tahdoimme suureksi Suomenmaan. Akateemisen Karjala-Seuran historia I. Helsinki, 2004.

¹⁷ Наиболее показательным сочинением в этом смысле стала созданная Тойво Каукорантой хронология освободительной войны российских карел, в которой автор собрал краткую информацию обо всех известных финских и карельских антибольшевистских выступлениях с 1917 по 1922 год: Kaukoranta T. Itä-Karjalan vapautentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki, 1944. См. также: Jaakkola J. The Finnish Eastern Question. Porvoo, Helsinki, 1942.

¹⁸ Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры. 1921–1922 гг. Петрозаводск, 1942; Он же. Разгром белофинской авантюры (1921–1922 гг.). Петрозаводск, 1947; Балагуров Я. А. Разгром белофинских интервентов в Северной Карелии в 1918 году // На рубеже. 1947. № 9. С. 47–58; Машезерский В. И. Разгром интервентов в Карелии // На рубеже. 1949. № 6. С. 76–91; Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М., 1949; Гардин Е. С. Славная страница в летописи победы побед Советской Армии // На рубеже. 1952. № 2. С. 68–77; Егоров Ф. И. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952; Машезерский В. И. Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1953.

¹⁹ Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: сб. документов и материалов; В борьбе за власть Советов: воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии; Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918–1920): документы / под ред. А. Ф. Горленко, Н. Р. Прокопенко. М., 1961; За Советскую Карелию, 1918–1920 // Воспоминания о гражданской войне / отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1963; Карелия в период гражданский войны и иностранной интервенции, 1918–1920: сб. документов и материалов / ред. Я. А. Балагуров, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964.

²⁰ Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1948.

роль²¹. Первая попытка систематизированного изложения событий гражданской войны в Карелии была предпринята в рамках двухтомного издания «Очерки истории Карелии»²². Несколько лет спустя М. И. Шумилов защитил докторскую диссертацию по теме «Деятельность большевистских организаций Севера России в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920)» и опубликовал указатель литературы «Борьба за советскую власть на Севере. 1917–1922 гг.», в который вошли все работы по данной теме, изданные до 1967 года²³.

Хрущёвская оттепель принесла с собой и некоторые новые веяния, а именно, обращение к персоналиям, активным участникам гражданской войны. По мнению В. В. Волоховой, это было связано с тем, что «устоявшийся миф об Октябрьской революции нуждался в развитии не вглубь, авширь»²⁴. Так появилась целая серия работ о «красных героях»: П. Ф. Анохине, председателе Олонецкого губернского военного революционного комитета, возглавившем оборону Петрозаводска в 1919 году; М. Е. Розенштейне, погибшем в бою с финскими добровольцами при обороне Видлицы в 1919 году; Н. Т. Григорьеве, губернском комиссаре труда, участнике боёв под Петрозаводском в 1919 году²⁵.

Как правило, обращение к теме установления советской власти в регионе включало в себя не только сюжеты, связанные с Октябрьской революцией, но и историю образования Карельской трудовой коммуны (далее – КТК), которая являлась, согласно традиционной советской периодизации, финальной точкой в гражданской войне. «Классическая» для советской историографии точка зрения на эти события была сформулирована В. И. Машезерским ещё в 1940-е годы. По мнению этого автора, создание КТК явилось итогом перехода Карелии к мирному строительству, а Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) пошёл навстречу желанию карел в образовании автономии²⁶. Таким образом, по мнению Машезерского и его последователей, Карельская трудовая коммуна была создана по инициативе снизу, а не решением руководства страны. Интересы народа, согласно этой концепции, выражали большевики, авангардом которых являлись революционные рабочие (поэтому в центре внимания авторов находилась деятельность советов). Карельскому крестьянству в этой схеме места почти не находилось, в лучшем случае о нём писалось как о некоей сочувствующей большевикам молчаливой массе; исключением являлись союзники интервентов и «белофиннов» – кулаки.

Эта тенденция была характерна для всей советской историографии; как справедливо отмечает В. И. Голдин, в исторических сочинениях советского времени крестьянские протестные движения в регионах, находившихся в руках советов, именовались кулацкими и контр-

²¹ *Потылицын А. И.* Победа советской власти на Севере (1917–1920 гг.). Архангельск, 1957; *Рыбаков М. В.* Из истории гражданской войны на Северо-Западе в 1919 году. М., 1958; *Тарасов В. В.* Борьба с интервентами на Севере России. М., 1958; *Замяткин М. С., Константинов А. П.* В борьбе за Советский Север. Л., 1959; *Шумилов М. И.* Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1967.

²² Очерки истории Карелии: в 2 т. / ред. В. Н. Бернадский, И. И. Смирнов, Я. А. Балагуров. Петрозаводск, 1957–1964.

²³ *Шумилов М. И.* Деятельность большевистских организаций Севера России в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920): автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1967; *Он же.* Борьба за советскую власть на Севере. 1917–1922 гг.: указ. лит. Петрозаводск, 1967.

²⁴ *Волохова В. В.* Формирование мифа об Октябрьской революции и гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // *Carelica*. 2015. № 1. С. 15.

²⁵ *Дорошин Х. Г.* Большевик П. Ф. Анохин. Петрозаводск, 1957; *Он же.* Н. Т. Григорьев. Петрозаводск, 1957; *Ушаков В. А.* Памяти Петра Фёдоровича Анохина // Учёные записки Карельского педагогического института. 1957. Т. 4. С. 83–90; *Дорошин Х. Г.* Михаил Розенштейн. Петрозаводск, 1961; *Рунов В., Шурупов А.* Большевик из Ругозера // На рубеже. 1963. № 3. С. 94–98; *Яккола Н.* Партизан Ристо Богданов // На рубеже. 1963. № 5. С. 98–101; *Ершов П. М.* Правофланговый. Петрозаводск, 1964; *Матвеев И. В.* Красный командир. Петрозаводск, 1964; *Машезерский В. И.* Революция рядовой. Биографический очерк о Ф. И. Егорове. Петрозаводск, 1969.

²⁶ *Машезерский В. И.* Карело-финский народ в борьбе за власть Советов и образование Карельской АССР // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. 1948. № 3. С. 28–41; *Он же.* Образование Карельской АССР // На рубеже. 1948. № 6–7. С. 135–146.

революционными²⁷. Впрочем, в своих более поздних работах Машезерский обратился и к таким важным, но не изучавшимся ранее явлениям, как деятельность Карельского отряда, Союза беломорских карел, Карельского просветительского общества, а также Ухтинского правительств, оценка которых была весьма односторонней и не выходила за рамки традиционной схемы²⁸.

Монументальные исторические исследования по карельскому вопросу стали появляться в Финляндии и на Западе в целом начиная с 1960-х годов. Речь идёт о работах М. Яаскеляйнена, С. Черчилля и Т. Нюгорда²⁹. В исследовании Яаскеляйнена заново и беспристрастно был освещён «восточно-карельский вопрос» как часть программы финской национальной экспансии, а также показаны различные попытки осуществления этой программы вплоть до 1923 года. Монография Яаскеляйнена получила в общем положительную оценку в советской историографии. А. С. Жербин отмечал, что эта единственная на 1961 год обстоятельно написанная книга по «карельскому вопросу»³⁰.

Английский (ныне канадский) историк Стэйси Черчилль, много работавший в Финляндии, первым дал глубокий и многосторонний анализ тех стратегий и проектов, которые появлялись в Российской Карелии в послереволюционные годы (1917–1922). Работа Черчилля «Судьба Восточной Карелии, 1917–1922» во многом явилась пионерской – используя широкий архивный материал из финских и английских архивов, исследователь скрупулёзно показывает, как карелы, оказавшиеся в эпицентре борьбы разнонаправленных политических и военных сил, воспринимали происходящее и разрабатывали свои стратегии. В центре внимания Черчилля – вопрос самоуправления карельского региона, который в разных формах и вариантах стоял на повестке дня на всём протяжении этого периода. Одним из первых Черчилль проанализировал взгляды и настроения крестьян разных уездов и волостей, предпринимая попытку понять и объяснить мотивацию решений и поступков карельского населения³¹.

К 1970-м годам советские историки получили возможность знакомиться с новыми финскими исследованиями. Появились работы нового типа³², и классическим примером таких исследований является монография В. М. Холодковского, посвящённая финско-советским отношениям 1918–1920-х годов³³. В этой монографии, созданной на основе внушительного количества источников, Холодковский анализирует политические взаимоотношения между странами на фоне широкой панорамы европейской политики, показывает механизмы принятия решений как финским, так и советским правительством. В представленную им многослойную картину вплетается и анализ ситуации в карельских регионах, принципиально отличавшийся от общепринятого. Если Машезерский в монографии того же периода традиционно рисовал основной конфликт внутри карельских регионов как борьбу «трудовых масс карель-

²⁷ *Голдин В. И.* Россия в гражданской войне. С. 78.

²⁸ *Машезерский В. И.* К истории образования Карельской Трудовой Коммуны // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии 1918–1920: Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XXIV. Петрозаводск, 1960. С. 62–74; *Он же.* От отсталой национальной окраины к автономной Советской республике // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 37–64; *Он же.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии.

²⁹ *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo-Helsinki, 1970; *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 1978.

³⁰ *Жербин А. С.* История Советской Карелии в финляндской буржуазной литературе (1918–1945 гг.) // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 266.

³¹ *Churchill S.* Op. cit.

³² Справедливости ради стоит отметить, что попытки рассмотрения советско-финляндских отношений в контексте европейской политики предпринимались и ранее: см., например, *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1961; *Арумъя Х.* За кулисами «Балтийского союза» (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920–1925 гг.). Таллин, 1966.

³³ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия, 1918–1920. М., 1975.

ского крестьянства против белофинских захватчиков»³⁴, то Холодковский совершенно справедливо констатировал: главным обстоятельством, влиявшим на выбор крестьянами союзников и политической линии, был голод. Он пишет: «Временные симпатии голодного карельского крестьянства поворачивались в ту сторону, откуда могло прийти быстрое спасение от голода»³⁵. Справедливость этого вывода подтверждается и более поздними исследованиями.

1970–1980-е годы в финляндской историографии явились периодом обращения историков к воспоминаниям непосредственных участников событий. Так, например, Олави Хови и Тимо Йоутсамо провели масштабное анкетирование добровольцев, участвовавших в походах в Эстонию и Карелию. На основе довольно спорного исторического материала, воспоминаний о событиях 50-летней давности, авторы попытались ответить на вопрос, какова была мотивация финских добровольцев – помощь родственному народу или жажда приключений³⁶. История Мурманского легиона, долгое время остававшаяся в финской историографии непопулярной, стала предметом внимания Юкки Невакиви. Его исследование, созданное на основе обширных архивных материалов, стало первым и наиболее полноценным трудом на эту тему³⁷. Впрочем, первая попытка была предпринята ещё в конце 1920-х годов Отто Итконеном в его автобиографической работе³⁸.

Серьёзным прорывом в финской историографии «племенных войн» стали работы Йоуко Вахтолы, посвящённые финским добровольческим походам в Российскую Карелию. Вахтола впервые рассматривает оба похода (в Беломорскую Карелию в марте-октябре 1918 года и в Олонецкую Карелию в апреле-сентябре 1919 года) и попытки решения «карельского вопроса» в широком геополитическом контексте, включающем в себя политические и идейные основания принимавшихся в Финляндии решений, стратегии заинтересованных стран (прежде всего Германии и Великобритании), внутривосточное политическое и военное противостояние и, что особенно важно, ситуацию внутри карельских регионов³⁹. Используя сведения финского генерального штаба и протоколы крестьянских сходов, Вахтола показывает всю сложность и неоднозначность отношения карельского крестьянства к финским «старшим братьям» и их стремлению присоединить Карелию к Финляндии. Последующие работы финских историков о «племенных войнах» носят обобщающий характер и уступают в скрупулёзности исследованиям Вахтолы, что признает, например, Юсси Ниинистё. В то же время Ниинистё справедливо отмечает, что Вахтола не использовал данные российских архивов⁴⁰.

Глобальный пересмотр старых историографических схем в отечественной науке стал возможен только в постперестроечный период. Историография гражданской войны претерпела значительные изменения: начали проясняться значение, роль и мотивации каждой из множества противоборствовавших сил, была выработана концепция крестьянской революции, которая, в частности, показала, сколь сложным и разнонаправленным было крестьянское движение. Новые веяния коснулись и изучения гражданской войны в Карелии, а «первой ласточкой» можно считать публикацию С. Безбережьевым подробного рапорта, составленного в июне 1920 года генералом И. А. Ключевым и содержащего отчёт о его переговорах с Временным комитетом Беломорской Карелии (обычно называемым в документах Тоймикунта – Комитет). Ключев

³⁴ *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. С. 42.

³⁵ *Холодковский В. М.* Указ. соч. С. 65.

³⁶ *Hovi O., Joutsamo T.* Suomalaiset heimosoturit Viron vapaussodassa ja Itä-Karjalan heimosodissa vuosina 1918–1922 // Turun historiallinen arkisto. Turku, 1971. S. 107–180.

³⁷ *Nevakivi J.* Muurmannin legioona: Suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki, 1970.

³⁸ *Itkonen O. V.* Muurmannin suomalainen legioona. Helsinki, 1927.

³⁹ *Vahtola J.* Valkoisten toiminta koillisella rintamalla keväällä 1918 // Faravid. 1984. № 8. S. 309–327; Ibid. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988; Ibid. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997.

⁴⁰ *Niinistö J.* Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki, 2005. S. 13–15.

подробно описывает обстановку в «столице» региона Ухте, настроения членов Тоймикунты и жителей девяти отделившихся волостей. Впервые в российской историографии появляется материал, содержащий неприязненное, но точное описание первого карельского квазигосударства⁴¹.

Опубликованная три года спустя статья К. В. Гусева стала первым исследованием, в котором автор прямо заявил о необходимости пересмотра исторической концепции гражданской войны в Карелии. Гусев предложил отказаться от представления о крестьянских протестах как о «кулацких мятежах», а о Карельском временном правительстве – как об избранном «кулацким съездом». Автор показывает, что причиной крестьянского восстания 1921–1922 годов и более ранних антисоветских выступлений была прежде всего непродуманная политика местных властей. События 1921–1922 годов Гусев предлагает характеризовать не как «белофинскую авантюру», а как крестьянское восстание, поддержанное большей частью местного населения и схожее с кронштадтским мятежом и антоновщиной⁴².

Монография Ю. М. Килина о карельской политике Советского государства в 1920–1941 годах внесла много нового в понимание финальных событий гражданской войны в Карелии. Автор решительно порывает с «большевистскоцентричной» картиной противостояния, предлагая разобраться в сложной системе взаимоотношения этих сил, выделяя при этом в качестве важной составляющей карельское националистическое движение. Вслед за Гусевым Килин предлагает применительно к событиям в Карелии 1921–1922 годов пользоваться термином «восстание». Цитируя справку Карельского областного отдела ГПУ, автор показывает, что «финские офицеры и вообще финны не играли большой роли как главари движения, за исключением Таккинена», а «самыми видными руководителями бандитизма были местные карелы»⁴³.

Впрочем, карельские события зимы 1921–1922 годов до сих пор по-разному интерпретируются в исторических сочинениях. По мнению Н. В. Фатуевой, Карельское восстание является одним из центральных событий так называемой «малой гражданской», или «крестьянской», войны⁴⁴. В то же время И. В. Яблочкина считает, что события в Карелии не могут быть однозначно охарактеризованы как белофинская авантюра или как крестьянское восстание⁴⁵. Н. И. Уткин и вовсе рассматривает события в Карелии в русле традиционной советской историографии как поход финских добровольцев в отрыве от внутренних причин восстания⁴⁶. Апофеозом дискуссии является статья Л. А. Кутиловой, в которой автор именуется события 1918–1922 годов советско-финской войной, очевидно, следуя за А. Б. Ширококордом, которого, впрочем, критикует за ошибки и поверхностные суждения⁴⁷. Полагая важнейшим источником по исто-

⁴¹ *Безбережьев С.* Миссия генерала Ключева // Север. 1993. № 7. С. 119–131.

⁴² *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа. По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–83.

⁴³ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 56. Стоит сказать, что монография Килина получила противоречивые оценки историков. См., например: *Барышников В. Н.* В кривом зеркале историка // Север. 2000. № 12. С. 152–154; *Морозов К. А.* В обзоре «классических» финляндских историков: рецензия на книгу Ю. М. Килина «Карелия в политике Советского государства. 1920–1941» // Клио: журнал для учёных. 2003. № 4(23). С. 244–249.

⁴⁴ *Фатуева Н. В.* Противостояние: кризис власти – трагедия народа. Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918–1922 гг. Рязань, 1996. С. 94, 102.

⁴⁵ *Яблочкина И. В.* Рецидивы гражданской войны. Антигосударственные вооружённые выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М., 2000. С. 349.

⁴⁶ *Уткин Н. И.* Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003. Мнение Уткина по многим вопросам представляется спорным, об этом см. подробнее: *Осипов А.* Vielä kerran Karjalan kysymyksestä // Carelia. 2003. № 5. С. 78–81.

⁴⁷ *Кутилова Л. А.* Советско-финская война и проблема Восточной Карелии во взаимоотношениях Советской России и Финляндии в 1918–1923 гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 25–33. См. также: *Смолин А. В.* Первая советско-финская война 1918–1920 гг.: историографический миф или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: мат. X ежегод. междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008 г.) / под ред. В. Н. Барышникова. П. А. Кротова. СПб., 2009. С. 271–279.

рии концепции «Великой Финляндии» советский сборник документов от 1928 года и датируя создание КТК 1919 годом, Кутилова резюмирует: «все эти обстоятельства... придают войне впечатление неясности»⁴⁸. На наш взгляд, связь событий зимы 1921–1922 годов с предыдущими явлениями гражданской войны является не только очевидной, более того – Карельское восстание стало прямым продолжением гражданской войны, что мы и продемонстрируем в главе 9.

О роли крестьянства в гражданской войне на Северо-Западе России писали С. В. Яров, Т. В. Осипова и Л. Г. Новикова⁴⁹, однако карельские сюжеты не получили в их работах должного освещения. М. И. Шумилов, один из авторов «Истории Карелии с древнейших времён до наших дней» и вовсе следует в русле традиционной историографии и избегает вывода о том, что именно непопулярная политика большевиков привела к многочисленным крестьянским восстаниям и сделала крестьян основными участниками антибольшевистского движения⁵⁰. В то же время, как показывает Лаура Энгельштейн, именно война против крестьянства, которая порождает свои институты власти, стала самой сутью гражданской войны⁵¹. Более того, недавние исследования авторов этих строк демонстрируют, что именно крестьянство выступало в качестве основного противника советской власти в Карелии, поскольку «классическое» белое движение в этом регионе не сложилось⁵².

В последние десятилетия историческая наука обогатилась несколькими пионерскими работами, посвящёнными карельским событиям периода гражданской войны. Одними из наиболее ярких следует считать исследования Е. Ю. Дубровской, которая использовала ранее неизвестные архивные материалы, в том числе собрание карельского Истпарта, представляющее собой главным образом коллекцию воспоминаний участников карельских национальных формирований⁵³. Именно в её работах впервые была описана история Карельского отряда, а также даны мини-портреты главных участников событий, таких как один из организаторов Карельского отряда, рано погибший Ииво Ахава. Исследованиям Дубровской свойственны новые подходы – обращение к проблематике исторической памяти, гендерным проблемам и истории повседневности⁵⁴.

Тенденция последних лет, которой придерживаются и авторы этих строк – это погружение в историю национального движения на уровне отдельных волостей и деревень; введение в научный оборот, помимо общегубернских, материалов волостных и уездных исполкомов, военревкомов и парткомов, позволяющих понять, какие процессы шли в каждой деревне

⁴⁸ Кутилова Л. А. Указ. соч. С. 25, 30, 31.

⁴⁹ Яров С. В. Крестьянин как политик; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

⁵⁰ История Карелии с древнейших времён до наших дней / ред. Н. А. Кораблёв [и др.]. Петрозаводск, 2001.

⁵¹ Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. N. Y., 2018. P. 568.

⁵² Витухновская-Кауппала М. А. «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 245–282; Она же. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны, 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья / ред. А. Пашков. Петрозаводск, 2013. С. 170–207; Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

⁵³ Воспоминания и интервью карел – участников «Карельского полка» хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН), ф. 1, а также в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК), в фонде писателя Яакко Ругоева, собиравшего материалы по гражданской войне в крае (Ф.Р-3716).

⁵⁴ Дубровская Е. Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 63–72; Она же. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии / отв. ред. Ю. А. Савватеев; науч. ред. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 2000. С. 88–97; Она же. Карелия и Финляндия: гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2009. С. 253–283; Она же. Национальные вооружённые формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 года // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: мат. XI ежегод. межд. науч. конф. / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2010. С. 81–91.

или волости. Подобный подход очень полезен именно для исследования такого феномена, как гражданская война, которая представляла собой противоборство не только политически детерминированных «сверху», но и стихийно возникающих «снизу», в народной гуще, сил. В этой работе мы покажем, как развивались сепаратистские настроения в Карелии, а местное население вынуждено было лавировать между противоборствующими силами.

Переход на микроуровень – это характерная черта современной историографии. Этот подход может, однако, рассматриваться не только в географическом ключе: он предполагает и обращение к персоналиям. Одной из первых таких работ стала совместная публикация российских и финляндских ученых по истории Ребольской волости, оказавшейся в эпицентре противоборствующих сил⁵⁵. Исследования Пекки Ваары посвящены истории ухтинского рода Андроновых и судьбе Беломорской Карелии⁵⁶, а статьи Вахтолы и Кангаспуру раскрывают роль беломорской деревни Вокнаволок в годы гражданской войны⁵⁷. Пробелы в изучении деятельности финнов – участников гражданской войны в Карелии были частично восполнены в работах Юсси Ниинистё и Мирко Харьюлы. Предметом исследования первого автора стали активисты, егеря и представители «белой Финляндии», такие как Боби Сивен и Курт Мартти Валлениус⁵⁸. В то же время Харьюла в своей монографии осветил деятельность отрядов красных финнов, воевавших не только в Карелии, но и на других фронтах гражданской войны в России⁵⁹. В заслугу автору стоит поставить публикацию 450-страничного приложения, в которое вошли краткие биографии красных финнов, списки различных воинских соединений и данные о потерях среди них. Одной из интереснейших последних работ финских историков стала монография Аапо Розелиуса и Оулы Силвеннойнена, посвящённая истории финских «племенных походов» в контексте общеевропейской политики. Среди наиболее привлекательных черт монографии Розелиуса и Силвеннойнена – соединение жанра микроистории с характерным для него интересом к судьбам отдельных исторических акторов, и широкого исторического полотна как фона для описываемых событий⁶⁰.

Уже упоминавшееся создание КТК является еще одним дискуссионным сюжетом в карельской истории, и здесь самые большие разночтения вызывает вопрос о причинах создания коммуны. Часть современных исследователей полагает, что главной причиной создания национальной карельской автономии была внешнеполитическая стратегия Советской России, а именно – необходимость иметь аргументы в споре с Финляндией на предстоящих мирных переговорах⁶¹. По другой версии, ключевым фактором было стремление руководителя КТК Эдварда Гюллинга к созданию образцового государства на границе с Финляндией как плацдарма для распространения идей коммунизма в Скандинавии⁶². А. А. Левкоев в своей диссертации впервые показал эти цели «красных финнов» и их противостояние «русско-карельской оппозиции» на раннем этапе существования КТК, а также тесную связь этого противостояния с настроениями и стратегиями карельского населения⁶³. Ник Барон утверждает, что целью Гюл-

⁵⁵ Aunuksen Repola / toim. H. Tarma. Jyväskylä, 2001.

⁵⁶ Vaara P. Uhtuan Andronoft. Oulu, 2010; Ibid. Viena 1918: kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2018.

⁵⁷ Vahtola J. Viena vapaaksi! Vuokkiniemi heimosodissa 1918–1922 // Tupenkolahuttajien mailla: Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan / toim. K. Paajaste. Jyväskylä, 2011. S. 321–368; Kangaspuro M. Sorrosta vapaaksi: neuvostovallan alkuvuosikymmenet ja Vuokkiniemi // Ibid. S. 369–403.

⁵⁸ Niinistö J. Bobi Siven: Karjalan puolesta. Helsinki, 2001; Ibid. Suomalaisia vapaustaistelioita. Helsinki, 2003.

⁵⁹ Harjula M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki, 2006.

⁶⁰ Roselius A., Silvenmoinen O. Villi itä: Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921. Helsinki, 2019.

⁶¹ Кулин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. С. 45–47.

⁶² Такала И. Р. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX в. / ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 125–148.

⁶³ Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

линга являлось прежде всего создание «великой Красной Финляндии», которая помогла бы уничтожить «неестественную» границу между родственными народами⁶⁴.

В рамках истории КТК стоит упомянуть диссертационные исследования Пекки Кауппалы и Маркку Кангаспуру о стратегиях и практиках большевистской власти в отношении карельского населения и карельской государственности. В отличие от большинства упомянутых нами финских историков, не работавших с советскими архивными коллекциями, Кауппала и Кангаспуру ввели в оборот широкий спектр материалов из советских/российских архивов⁶⁵. Из современных исследований стоит также отметить монографию А. И. Бутвило⁶⁶, который «первым из исследователей обстоятельно анализирует государственно-правовой статус КТК»⁶⁷.

Завершая историографический обзор, нельзя не упомянуть труды британского историка Ника Барона, сыгравшие важную роль в изучении гражданской войны в Карелии⁶⁸, а также недавно защищенную диссертацию Алистера Райта об установлении советской власти в крае⁶⁹. В целом, как нам кажется, происходит отрадное сближение финского, российского и других национальных историографических полей, нащупываются попытки выработать единые подходы к одной из наиболее трагических страниц в истории Карелии.

---

⁶⁴ *Baron N. Soviet Karelia: Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939. N. Y., 2007. P. 36.*

⁶⁵ *Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung ja Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments (Diss.). Freiburg 1992. Freiburger Dokumentenserver. P. 3–77. URL: <http://www.freidok.unifreiburg.de/volltexte/6678/>; *Kangaspuro M. Suomalainen vai venäläinen Karjala: Neuvosto-Karjala kansallisten aatteiden taistelulentänä vuosina 1920–1940. Joensuu, 1996.**

⁶⁶ *Бутвило А. И. Карельская трудовая коммуна. Петрозаводск, 2011.*

⁶⁷ *Килин Ю. М. Рецензия на книгу: Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск, 2011 // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 2. С. 116.*

⁶⁸ *Baron N. Soviet Karelia; Ibid. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. L., 2007. На русском: Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб., 2013.*

⁶⁹ *Wright A. S. The Establishment of Bolshevik Power on the Russian Periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. URL: <http://theses.gla.ac.uk/3105/1/2011wrightphd.pdf>; См. также: Ibid. Chaos in the Field: Soviet Karelia's Food Supply Detachments, 1918–1920 // *Europe-Asia Studies*. 2014. Issue 2. P. 284–310. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09668136.2013.872330>*

Глава 2

Карелы в предреволюционный период: между финской и российской зонами влияния

2.1. История карельского этноса

В начале XX века в России существовало пять компактных групп карел, проживавших в различных губерниях севера Европейской России: Новгородской, Тверской, Ярославской, Архангельской и Олонецкой. Помимо этого, значительные карельские регионы существовали в приграничных зонах Финляндии. В нашей работе пойдёт речь о двух группах карел, располагавшихся в смежном с Финляндией северо-западном регионе России и позже давших название существующей здесь Республике Карелия. Покажем основные вехи истории этой части карельского народа.

Этническая и политическая история карел, как и большинства приграничных народов, не отличалась стабильностью. Единый карельский этнос, регионом обитания которого к началу второго тысячелетия было северо-западное Приладожье, оказался впервые разделён на две части границей между Новгородом и Швецией, обозначенной в 1323 году по Ореховецкому мирному договору⁷⁰. На протяжении всего средневековья карельские земли были ареной постоянных конфликтов между Востоком и Западом в лице сначала Швеции и Новгорода⁷¹, а позже – Швеции и Московского царства. По подсчёту исследователей, с середины XII по конец XIV века между враждующими сторонами прошло не менее 30 баталий⁷².

По Столбовскому мирному договору, заключённому после русско-шведской войны 1610–1617 годов, Россия потеряла, а Швеция получила Карельский уезд (переименованный под власть Швеции в «Кексгольмский лен») и район, населённый ижорой, получивший под шведским владычеством название Ингерманландия. Жёсткая политика шведских властей по отношению к обитателям завоёванных земель и их активная, зачастую насильственная люте-ранизация привели к резко протестным настроениям карел. Когда в 1656 году вновь началась война Швеции с Россией, православное население с ликованием встречало русские войска, однако Россия проиграла войну, и землями опять завладели шведы. Опасаясь их мести, многие православные как из Ингерманландии, так и из Кексгольмского лена бежали под защиту России. Они осели в опустошённом поляками районе Твери, образовав тем самым ещё одну локальную группу карел в России, получившую название «тверские карелы».

Однако правлению шведов в завоёванных ими районах не суждено было оставаться долгим. Северная война (1700–1721) закончилась сокрушительным поражением Швеции, в результате которого она потеряла значительные территории, в том числе и часть Карелии с Кексгольмом⁷³. С этого времени населённые карелами район Карельского перешейка

---

⁷⁰ Ореховецкий (ореховский) мирный договор был первым мирным соглашением Новгорода со Швецией, назван по имени крепости Ореховец (Орешек), в которой он был заключён после тридцатилетних военных действий. По этому договору была впервые официально установлена граница между Русью и Швецией, которая проходила через Карельский перешеек от Финского залива по р. Сестре, на север до озера Сайма, а затем на северо-запад до берегов Ботнического залива.

⁷¹ О средневековой истории Карелии и о сражениях на её территории см., например: *Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Osa 1: Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617). Helsinki, 1970; Osa 2: Karjala taistelukenttä. Helsinki, 1976.* См. также: *Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998, С. 9–10.*

⁷² *Чернякова И. А. Указ. соч. С. 9–10.*

⁷³ Северная война (1700–1721) завершилась Ништадтским миром, подписанным 30 августа 1721 года (город Ништадт на шведском языке называется Nystad, а по-фински – Uusikaupunki, поэтому мирный договор в финской историографии назы-

с Выборгом и северо-западное Приладожье оставались частью Российской империи. После новой русско-шведской войны (1741–1743) Швеция лишилась ещё части территорий, и к уже принадлежавшим России землям, носившим название Старая Финляндия, присоединились территории до реки Кюми, и в состав России вошли города Хамина (Fredrikshamn), Лаппеенранта (Villmanstrand) и Савонлинна (Nyslott). Эта территория, заселённая карелами-лютеранами и частично этническими группами саво, получила название Выборгской губернии, а позже – Финляндской губернии. В 1809 году по результатам последней русско-шведской войны и по условиям Фридрихсгамского мира Финляндия была присоединена к России и получила автономию. Вскоре после этого, в 1812 году, Старая Финляндия была присоединена к остальной Финляндии и стала Выборгской губернией Великого княжества. Так получили административное оформление карельские районы Великого княжества Финляндского.

К этому времени Российская Карелия в административном отношении вошла в созданный в середине XVII века Олонецкий уезд, центром которого был город Олонец. Примерно к этому же времени в Российской Карелии сформировались основные этно-территориальные группы карел. Продвинувшиеся на север вдоль границы со Швецией части карельского этноса, смешавшись с саамами, стали основой для формирования группы северных, или беломорских, карел⁷⁴. Карелы из Корельского уезда мигрировали на восток, на территорию, расположенную между Онежским и Ладожским озёрами, смешиваясь с издавна проживавшими там вепсами (весью). В восточном Приладожье, на Олонецкой равнине, где потомки карел имели численное преимущество, образовалась этническая группа карел-ливвиков. В западном Прионежье доминировали вепсы, и здесь сложилась другая карельская этническая группа – людики, язык которых ближе к вепсскому. Эта этническая картина, – конечно, очерченная нами весьма схематично, – сохранилась в основном в Российской Карелии и до наших дней.

В административном отношении территории расселения российских карел уже в XVIII веке относились к двум губерниям – Олонецкой и Архангельской⁷⁵. Это деление сохранилось вплоть до 1920 года. В современной историографии вся заселённая карелами территория Олонецкой губернии носит название Олонецкая Карелия (по-фински – *Aunuksen Karjala*). Группа северных карел, заселявшая запад Архангельской губернии, традиционно носит название кемские, или беломорские, карелы (*vienankarjalaiset*), а заселённый ими регион в XIX – начале XX века назывался либо Карельским Поморьем, либо Кемской, или Архангельской, Карелией. В современной российской историографии этот район принято называть Беломорской Карелией (по-фински – *Vienan Karjala*). К началу XX века карелы более или менее компактно населяли четыре уезда: Повенецкий, Петрозаводский и Олонецкий уезды Олонецкой губернии и Кемский уезд Архангельской губернии.

По Всероссийской переписи населения 1897 года, общая численность карел, проживавших в России, составляла 208 100 человек, из них карельское население Олонецкой и Архангельской губерний (на территории со временной республики Карелия) составляло 78 936 человек (59 414 в Олонецкой и 19 522 в Архангельской губерниях)⁷⁶. Большие группы карел проживали в Тверской (117 680) и Новгородской (9800) губерниях⁷⁷.

вается *Uudenkaupungin gauha*). Россия получила по Ништадтскому миру Лифляндию с Ригой, Эстляндию с Ревелем и Нарвой, часть Карелии с Кексгольмом, Ингерманландию и острова Эзель (*Saaremaa*) и Даго (*Niiumaa*).

⁷⁴ Об этнической и социальной истории и этнографии Беломорской Карелии XVII – начала XX века см. фундаментальный труд: *Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos, 1600–1900. Helsinki, 2001.*

⁷⁵ Олонецкая губерния в начале XVIII века называлась Олонецким уездом, с 1719 года – Олонецкой провинцией, являвшейся частью Ингерманландской (Петербургской) губернии. С 1784 года эта территория была названа Олонецким наместничеством, и только по указу 1801 года – Олонецкой губернией. Уже в начале XVIII века Карельское Поморье входило в состав Архангелогородской губернии, которая впоследствии стала называться Архангельской.

⁷⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. стат. комитетом Мин-ва вн. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1897–1905. Вып. 7. Наличное население обоёго пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков, 1905. С. 1, 3.

Приведём более конкретные данные о карелах Олонецкой и Архангельской губерний, которым посвящена наша работа.

В каждом из упомянутых нами четырёх уездов они составляли значительную часть населения, соседствуя главным образом с русскими (в переписи фигурирует название «великороссы»). Так, в Повенецком уезде, располагавшемся на севере Олонецкой губернии, всё население составляло 26 381 человек, из них карел было 13 106 (49,7 %), и почти столько же русских (13 036, или 49,4 %). В более южном и индустриальном Петрозаводском уезде с населением в 79 712 человек карелы составляли меньшинство (17 643 человек, или 22 %), наряду с вепсами (7257, или 9 %), а русские – подавляющее большинство (53 516, или 67 %). Наконец, в располагавшемся на юге губернии обширном Олонецком уезде карелы составляли большинство населения – из 39 990 человек, проживавших в уезде, карел было 28 532, или 71 % (ср. – русских 10 794, или чуть менее 30 %) ⁷⁸.

Архангельская губерния была самой обширной из губерний европейской России, и карельское население составляло в ней мизерное меньшинство (в губернии в целом проживало 346 536 человек, а карельское население насчитывало 19 522 человека, или 5,6 %. Однако в Кемском уезде, располагавшемся на границе с Великим княжеством Финляндским, карелы составляли более половины его населения (19 236 человек из 35 392, или 54 %). Русское население Кемского уезда (45 % всех жителей уезда) располагалось в его восточной части, главным образом на побережье Белого моря ⁷⁹.

Карелы почти поголовно были крестьянами. В Кемском уезде к крестьянскому сословию относились 99,6 % карел, в Повенецком уезде – 97,3 %, в Олонецком – 95 %, а в Петрозаводском – 91,7 % ⁸⁰. Однако большая часть карел, особенно в северных волостях, несмотря на принадлежность к крестьянскому сословию, не могла прокормиться только крестьянским трудом, и активно занималась побочными промыслами. По статистике 1910 года, в структуре всех прибылей крестьянина Олонецкой губернии доходы от земледелия составляли всего 40,7 %, от скотоводства – 10,7 %, а от промыслов – 31,7 % ⁸¹. К числу развитых в карельских волостях промыслов следует отнести рыболовство и охоту, кустарные промыслы и лесное дело. Очень развиты были отхожие промыслы – в 1900 году в населённых карелами уездах Олонецкой губернии крестьянам было выдано 20 600 паспортов, а в Кемском уезде 4 700 паспортов. В 1899 году доход карельских уездов Олонецкой губернии от отхожих промыслов составлял 71 % от всех побочных заработков крестьян ⁸².

Заканчивая социальный портрет карельских крестьян, нельзя обойти тему особого типа отхожего промысла, очень развитого в Кемском уезде и северо-западных приграничных волостях Олонецкой губернии: коробейничества. Карелы традиционно вели разносную торговлю на территории Финляндии, торгуя тканями и галантереей. Широко развитое коробейничество стало одним из каналов финского влияния на жизнь российских карел ⁸³.

⁷⁷ *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. С. 9.

⁷⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 7. С. 19.

⁷⁹ Там же. С. 10.

⁸⁰ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 1. Архангельская губерния, тетрадь 2, 1899. С. 104–107; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. XXVII. Олонецкая губерния, тетрадь 2, 1900. С. 90–93, 96–97, 102–105, 106–108.

⁸¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 409.

⁸² *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 85–90.

⁸³ О коробейничестве и его истории см.: *Joustela K.* Suomen Venäjän-kaup-pa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809-65. Lahti, 1963 (Hist. Tutk. LXII); *Naakka-Korhonen M., Keynäs M.* Halpa hinta, pitkä matka. Vienan-karjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 491); *Hämynen T.* Raja ei erottanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Näkökulmia naapurusten elämään / toim. M. Vento, A. Heikkinen. Joensuu, 1997 (Studia Carelica humanistica 10). S. 55–75; *Bazegski D.* Vienan karjalaisten laukkukauppa. Venäjän ja Suomen kauppasuhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // Ibid. S. 77–89; *Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.

2.2. Проект «Великой Финляндии» и карелы

Приграничный статус карельских регионов Северо-Запада России во многом предопределил их специфику развития и в начале XX века. Близость Финляндии, а также этническое родство карел и финнов стало одним из важнейших обстоятельств, отразившихся на происшедших в крае процессах. Особенно весомым фактором следует считать сформировавшееся к началу XX века в Финляндии националистическое движение с его специфической идеологией. В центре этой идеологии находилась идея «Великой Финляндии», роль которой как двигательной силы многих описываемых в этой книге событий нельзя переоценить. Предлагаем читателю небольшой экскурс в историю вопроса.

С первой четверти XIX века Финляндия переживала период национального становления, который был неизбежно связан с поисками корней и построением национального мифа. Это и привело финских национальных активистов к «открытию» древней Карелии и её идеологической маркировке как «Золотого века» финской истории⁸⁴. Основная часть рун Калевалы была собрана на территории Российской Карелии, и их напели известному собирателю рун Калевалы Элиасу Лённроту карельские сказители. Карельский по происхождению эпос дал основу для создания мифической истории финнов и карел, и именно мифическая страна обитания героев эпоса – Калевала – была трактована как общая прародина обоих народов.

Идея, что «воображаемое Отечество» у карел и финнов общее, овладела умами финских интеллектуалов и обусловила их пристальный интерес к карелам. Один из выдающихся национальных деятелей Финляндии, писатель, журналист и историк Закариас Топелиус (Zachris Topelius), читая в 1843 году лекцию по истории Финляндии, выразил мысль о том, что Финляндия и Карелия в совокупности представляют собой «Великую Финляндию», или Восточную Фенноскандию⁸⁵. Позже идея «Великой Финляндии» предопределила представление о Карелии (как финской, так и российской) как ирреденте – части так называемого «разделённого народа», финнов.

Тот же Топелиус стал и незаменимым популяризатором этой идеи – в вышедшей на 30 лет позже книге для чтения «Maamme kirja» («Наша страна»), ставшей фактически евангелием финского национализма, он весьма образно писал: «Финский народ – как дерево, которое уходит своими корнями в землю. Его самые большие и мощные корни – это две родственных нации, которые долго были разлучены, а сейчас соединились, а именно – карелы и хяме»⁸⁶. «Maamme kirja» долгие десятилетия – как до, так и после обретения Финляндией независимости, – была в числе обязательных книг для изучения финскими школьниками.

Мы могли бы привести множество примеров того, как идея «Великой Финляндии» с непременным включением в неё Карелии выражалась в финской публицистике и литературе второй половины XIX века. Один из наиболее энергичных, сжатых и точных геополитических манифестов сторонников идеи «Великой Финляндии» – стихотворение Августа Алквиста (August Ahlqvist), известного поэта и языковеда, публиковавшего стихи под псевдонимом А. Оксанен (A. Oksanen). Цитируемое нами произведение называется «Власть Финляндии» («Suomen valta»); в нём, в частности, говорится:

«Онежское озеро, Ботнический залив,

---

⁸⁴ *Sihvo H.* Karelia: a Source of Finnish National History // National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. *Studia fennica ethnologia* 6 / toim. M. Branch. Helsinki, 1999. S. 185.

⁸⁵ *Ibid.* S. 187.

⁸⁶ *Topelius Z.* Maamme kirja. Lukukirja alimmaisille oppilaitoksille Suomessa. Helsinki, 1899. S. 171. Первое издание «Maamme kirja» вышло в 1875 году.

Берега Ауры, устье Двины, —
Там финское величие,
Которое не принадлежит никому другому»⁸⁷.

В первых двух строфах Алквист очерчивает границы будущей «Великой Финляндии». На востоке это – Онежское озеро и Белое море вплоть до устья реки Двины, на западе – Ботнический залив, и на юго-западе – река Аура, впадающая в Балтийское море. Как видим, в своё «воображаемое Отечество» Алквист включил Восточную (Российскую) Карелию и даже те русские районы Олонецкой и Архангельской губерний, которые к ней примыкали. Конечно, в разное время разные группы национальных деятелей Финляндии очерчивали границы «Великой Финляндии» по-иному, и заселённые русскими районы не всегда попадали внутрь этих границ – но, самое главное, Российская Карелия неизменно оставалась частью этого проекта.

Всё вышесказанное объясняет, почему финские националисты традиционно относились к карелам как к будущей составной части финской нации. На протяжении всего XIX века эта идея развивалась, и для неё находились всё новые обоснования. Так, поэт Эмиль фон Квантен включил идею объединения карел и финнов в свой геополитический проект, оформленный им в работе «Фенномания и скандинавизм», вышедшей в свет в 1855 году. По его мнению, в Европе после Крымской войны сложилось два противоположных лагеря: западные страны, представляющие либерализм и прогресс, и Россия, угрожающая им. Чтобы предотвратить опасность, исходящую от России, необходимо объединиться, например, Швеции и Финляндии⁸⁸. Этому союзу, согласно Квантену, понадобится новая безопасная граница, которая на востоке должна будет проходить по линии Ладога – Свирь – Онежское озеро – Белое море. Таким образом карелы, которые по духу являются финнами, смогут объединиться со своими братьями в Финляндии⁸⁹. Примерно в это же время лингвист, преподаватель Абоской академии Эрик Густав Эрстрём одним из первых высказал идею о том, что основой для объединения финнов и карел может стать единый язык⁹⁰.

Уже приблизительно с середины XIX века в поле зрения финляндских национальных активистов попали российские карелы, которые также воспринимались ими как естественная и неременная часть «большой финской нации». Тот же Топелиус в одной из своих лекций утверждал, что «русские карелы, которые если не по имени, то по духу являются истинными финнами, от которых записана большая часть Калевалы, будут объединены со своими финскими братьями»⁹¹. Эта мысль всё более укоренялась в среде финских националистов и стала одной из основ национального мифа.

Постепенно формировался интерес финских национальных романтиков к культуре Российской Карелии, которая казалась им неким идеальным хранилищем финской древней традиции, краем, где надлежит искать свою национальную идентичность и культурные корни. К концу XIX века сформировалось явление, получившее в литературе название «карелианизм», в котором историк Ханнес Сихво отмечал две составляющих – культурный карелианизм и политический карелианизм. В течение двух десятилетий карелианизм развился в полноценное политическое течение, «подкреплённое чувством моральной обязанности помочь угнетённому родственному народу» и развить в нём национальное самосознание⁹². Идея «Великой Финлян-

---

⁸⁷ *Oksanen A.* Säkeniä. Kokous runoelmia. Helsinki, 1898. S. 6.

⁸⁸ *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 44, 45.

⁸⁹ *Ibid.* S. 45.

⁹⁰ *Ibid.* S. 25.

⁹¹ *Sihvo H.* Op. cit. S. 195.

⁹² *Ibid.* S. 196.

дии» созрела; сформировалось отношение финских активистов к Российской Карелии как к ирреденте, оторванному куску великофинского государства.

Начав с романтических поездок в Российскую Карелию с целью её изучения, финские национальные активисты постепенно перешли к практической деятельности. В 1906 году в г. Тампере (Таммерфорс) создана первая карельская националистическая организация «Союз беломорских карел», основными задачами которой было просвещение карел, внедрение в их быт финской культуры и экономическая помощь. При этом самый широкий слой населения Карелии, крестьянство, почти не был вовлечён во вновь созданную организацию. Не случайна и ориентация Союза на Финляндию – основная часть его членов (почти 80 %) проживала в Великом княжестве и/или была финнами по национальности. Одновременно, с 1906 года начала действовать на территории Российской Карелии и лютеранская миссия. Впрочем, активные полицейские мероприятия местных властей уже через три года сделали финскую национальную и религиозную деятельность в карельских районах невозможной⁹³.

---

⁹³ См. об этом: *Витухновская М.* Указ. соч. С. 273–301.

2.3. Финский активизм и карельский вопрос

За два года до создания «Союза беломорских карел», в 1904 году, в Финляндии сформировалось движение, сыгравшее позже решающую роль в попытках осуществления проекта «Великой Финляндии» на территории Российской Карелии. Предпосылками к его формированию стало обострение противостояния между развивавшимся финским национальным движением и унификационной, а частично и русификационной политикой российской власти в Финляндии. «Имперскому наступлению» противостояло несколько партий и движений; самой радикальной из них стала нелегальная партия активного сопротивления, – организация, созданная в 1904 году и включившая в свою программу требование независимости Финляндии⁹⁴. Наиболее активно партия действовала в период первой русской революции, используя методы террора и налаживая связи с русским революционным движением. Члены партии продолжили борьбу в рядах полувоензированной организации «Союз силы» (*Voimaliitto*)⁹⁵, а после упразднения этого союза деятельность активистов временно сошла на нет.

Второй виток в развитии активизма был связан с началом Первой мировой войны. В ноябре 1914 года в финской печати появилась так называемая «Программа 1914», секретно разработанная российской властью, – пакет касающихся Финляндии мероприятий, направленных на ужесточение внутреннего режима. Эта программа, так никогда и не реализованная, была истолкована как новое русификационное наступление, и её появление в прессе привело к реанимации активизма. Молодые люди, прежде всего члены студенческих организаций, приняли решение наладить контакт с Германией, которая как противник России в войне автоматически становилась союзником антироссийских кругов в Финляндии.

Со своей стороны, и Германия проявила инициативу. Получив сведения о намерениях молодых финских активистов, германский посол в Стокгольме фон Райхенау установил контакт с финским революционным деятелем Конни Циллиакусом⁹⁶. Итогом сотрудничества Германии и националистических кругов Финляндии стало открытие военных курсов для финских молодых людей в местечке Локштедт (Германия). Политические лидеры активистов производили вербовку молодых уроженцев Финляндии среди учащихся высших школ Гамбурга, Любека, Висмара и Дрездена; ограниченная вербовка проводилась также и на территории Финляндии, преимущественно в среде студенчества и творческой интеллигенции. Немецкий военный агент в Стокгольме руководил отправкой добровольцев небольшими группами из Швеции в Берлин⁹⁷.

Обучение финских добровольцев началось 25 февраля 1915 года. В сентябре 1915-го Германия решила увеличить число обучающихся до размера батальона в 1900 человек. Весной 1916 года из этой группы сформировали Прусский королевский батальон егерей № 27 под руководством майора Максимилиана Байера, который принимал участие в боевых действиях против России⁹⁸.

Германская разведка помогла финским активистам создать на территории Финляндии разветвлённую сеть. С начала 1915 года егеря, прошедшие подготовку в Германии, забрасывались в Финляндию для организации агентурной сети, вербовки новых осведомителей и сбора

---

⁹⁴ Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 39.

⁹⁵ «Союз силы» – организация активистов, основанная в 1906 году, действовавшая под видом спортивной.

⁹⁶ Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. С. 42.

⁹⁷ Об истории егерского движения см.: *Lauerma M. Jääkärien tie / toim. M. Onttonen ja H. Vitikka.* Helsinki, 1984; *Onttonen M. Jääkärikirja.* Helsinki, 2002.

⁹⁸ *Lauerma M. Jääkärien tie.* S. 301–382.

информации о русских войсках⁹⁹. Имперское правительство было осведомлено о ведущейся вербовке, и в 1916 году число финляндцев, задержанных по подозрению в вербовке, саботаже или шпионаже, достигло 250 человек. В то же время подготовка егерей не рассматривалась правительством России как реальная угроза восстания в Финляндии¹⁰⁰.

Егеря считали своими важнейшими целями не только обретение Финляндией независимости, но и осуществление проекта «Великой Финляндии», включающей в себя Восточную Карелию. Уже 7 апреля 1917 года на собрании активистов и егерей в Суомуссалми было принято решение требовать от российских властей полной независимости Финляндии и присоединения к ней родственного народа – карел¹⁰¹. Как видим, в этой политической среде вопрос о независимости Финляндии и судьбе Карелии рассматривался как единое целое. Кроме того, активисты и егеря выступали за решение этого вопроса военным путём, что и было реализовано ими во время добровольческих походов в Российскую Карелию в 1918 и 1919 годах.

---

⁹⁹ Лайдшен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939). Петрозаводск, 2004. С. 43, 44.

¹⁰⁰ Соломец И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. С. 46, 47.

¹⁰¹ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 25.

2.4. Карелы в экономическом поле Финляндии

Если попытки национального наступления финских активистов на российских карел, предпринятые в предреволюционное десятилетие, захлебнулись, то экономическое поле Финляндии всё шире распространялось к востоку от границы¹⁰². Динамично развивавшееся и быстро модернизовавшееся Великое княжество становилось всё более важным для Российской Карелии. Финляндия давала карелам возможность заработка (в разносной торговле – коробейничестве – участвовали от 1,5 до 2,5 тысяч человек в год, для огромного большинства карел источником заработка были лесные работы на финские фирмы)¹⁰³, а также была источником приобретения продуктов и повседневных товаров. Кроме того, Финляндия становилась образцом для подражания для живущих по соседству карел, именно она предлагала передовые модели хозяйствования, – такие, как, например, организация хуторских хозяйств (особенно актуальная после Столыпинской реформы), молочного животноводства, осушения болот по финскому образцу. Министерство финансов так резюмировало многочисленные обращения олонекского губернатора Н. В. Протасьева: «...согласно уведомлению олонекского губернатора, карельское население [...] поставлено, ввиду отсутствия удобных путей сообщения, в полную экономическую зависимость от Финляндии»¹⁰⁴.

В то время как экономическое влияние и притяжение Финляндии нарастали, влияние финского национального движения на национальное самосознание российских карел сильно отставало, хотя и варьировалось в зависимости от экономической зависимости региона от Финляндии и географической близости к ней. Финское экономическое влияние было сильно в нескольких регионах – в «столице» Беломорской Карелии селе Ухта, а также таких центрах, как Вокнаволок и Юшкозеро. Примером экономической коллаборации с Финляндией являлась Ребольская (Repolä) волость, расположенная в северо-западной части Повенецкого уезда, на границе с Финляндией. Волость получила толчок к своему развитию в связи с постройкой железнодорожной ветки до станции Лиекса в Финляндии, располагавшейся в 40 верстах от российской границы и в 100 верстах от погоста Реболы, центра волости¹⁰⁵. Особо выгодным положение Ребол (как и ещё одной приграничной волости – Поросозера (Porajärvi)) делала система рек, соединявшихся с Сайминской водной системой. Здесь, где ещё недавно «население прозябало на низкой степени как материального, так и духовного развития»¹⁰⁶, шла широкомасштабная добыча, продажа и сплав леса в Финляндию, появилась огромная потребность в рабочих руках¹⁰⁷. Крестьяне получали также значительную выручку и от продажи собственных лесов.

Финское влияние в Реболах было весьма сильным. Весь уклад жизни ребольцев был финским: в волости ходила финская монета, многие крестьяне владели финской грамотой при том, что мало кто умел читать по-русски, по финским образцам осуществлялась мелиорация земель

---

¹⁰² Об экономическом влиянии Финляндии на Российскую Карелию см.: *Витухновская М.* Указ. соч.; *Баданов В., Кораблёв Н.* Использование агрохозяйственного опыта Финляндии Олонеким земством в начале XX века // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2009. С. 41–54.

¹⁰³ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 277.

¹⁰⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/61. Л. 128.

¹⁰⁵ Верста равнялась 1,06 километра.

¹⁰⁶ *Фесвятяшинов С. М.* На границе Финляндии: очерк // Вестник Олонекского губернского земства. 1911. № 14. С. 10.

¹⁰⁷ *Жуков Ю. А., Кораблёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В.* Ребольский край: исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 10–14. О роли Финляндии как важнейшего фактора социоэкономического бытия Российской Карелии см.: *Витухновская М.* Указ. соч. С. 91–99.

и создавались хуторские хозяйства, даже одевались ребольцы на финский лад, и по внешнему виду мало отличались «от соседа финна»¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что далеко не все карельские регионы были экономически связаны с Великим княжеством. Значительная часть карельского населения была экономически ориентирована на Петрозаводск и Петербург. Это относится, прежде всего, к населению Петрозаводского и Олонецкого уездов Олонецкой губернии. Проживавшие здесь карелы в массе своей лучше знали русский язык и были хорошо знакомы с русскими реалиями. В этом смысле мы можем утверждать, что разные группы карел Северо-Запада России находились в различных экономических сферах влияния, что не могло не отразиться и на том, как в дальнейшем, в ходе гражданской войны они выбирали свои стратегии. Понимание политических предпочтений различных групп карельских крестьян в годы гражданского противостояния невозможно и без анализа национального самосознания крестьянской массы, предпринятого авторами в следующем разделе.

---

¹⁰⁸ Жуков Ю. А., Кораблёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Указ. соч. С. 10–14.

2.5. Специфика национальной идентичности карельских крестьян: «народный протонационализм»

Изучение национальной идентичности крестьян – как и в целом их самосознания – задача, осложнённая целым рядом обстоятельств. Прежде всего, перед исследователем встаёт проблема поиска и отбора источников. Теодор Шанин не зря назвал крестьянина «великий незнакомец»¹⁰⁹ – крестьянство России, составлявшее к началу XX века более 80 процентов населения империи, оставило после себя ничтожное количество документов. Нам в редких случаях становятся известны дневники или воспоминания крестьян, их переписка. Однако и немногие обретенные нами источники такого рода зачастую разочаровывают: они, как правило, предельно конкретны, их авторы сосредоточены на жизненных реалиях и совершенно не готовы делиться своими мыслями и чувствами.

Вышедшие из-под пера крестьян документы крайне скупо знакомят нас с их предпочтениями и взглядами, но дают очень ясное представление о характере их мышления. Оно было, «заземлённым», сосредоточенным на повседневных реалиях их жизни. Крестьяне, как правило, не были в состоянии решать более или менее абстрактные вопросы политического бытия, поскольку до поры до времени, пока эти вопросы не превращались для них в реальные угрозы, они не касались их непосредственно. Основная часть российского, в том числе и карельского крестьянства постоянно находилась на грани выживания, будучи зависимой от капризов погоды, несовершенства своих орудий труда и фискальной государственной политики. Образное определение английского экономиста Ричарда Тауни, писавшего в 1931 году, что положение китайского крестьянина «можно уподобить положению человека, по горло стоящего в воде: достаточно лёгкой ряби, чтобы утопить его»¹¹⁰ – в целом подходит и к ситуации с крестьянином-карелом. Он был сосредоточен на повседневной борьбе за выживание – и именно эти, повседневно применявшиеся стратегии занимали всё его внимание.

В произведениях карельского писателя Николая Яккола, выходца из карельской глубинки, хорошо знавшего психологию своих односельчан, даётся выпуклая характеристика особенностей сознания карельского крестьянства. Описывая события гражданской войны в Беломорской Карелии, Яккола писал о своих героях:

«Они хорошо знали, когда созреет хлеб и его можно убирать, сколько брёвен можно погрузить на панкорегги¹¹¹, когда лучше всего ловится рыба, – но что такое революция, как власть от одного класса переходит к другому, они представляли смутно. Их мышление было конкретным, предметным, как у детей или первобытных людей. Чтобы освоить новое, они должны были сами испытать его, попробовать. Разобраться в запутанной обстановке того переломного времени, в перекрёстных волнах быстро сменяющихся событий они были не в состоянии»¹¹².

Это суждение Якколы многократно подтверждается историческими реалиями эпохи гражданской войны: на первом её этапе карельское крестьянство представляется аморфной, не сформировавшей политических предпочтений массой, за небольшим исключением не отдававшей себе отчёта в происходивших в стране процессах. О том, насколько сильно поначалу крестьяне нуждались в идейном руководстве, можно судить по содержанию письма к карель-

---

¹⁰⁹ «Великий незнакомец» – название переведенной на русский язык хрестоматии Т. Шанина (Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М., 1992). Английская версия хрестоматии называется по-другому: *Peasants and Peasant Societies. Selected Readings* / ed. T. Shanin. L.; N. Y., 1987.

¹¹⁰ *Tawney R. H. Land and Labor in China*. Boston, 1966. P. 77.

¹¹¹ Сани-волокуши.

¹¹² *Яккола Н.* Водораздел: повествование. Петрозаводск, 1985. С. 368.

скому активисту, купцу и одному из создателей Союза беломорских карел Пааво Ахаве ухтинского крестьянина Василия Ротонена. Ротонен написал своё письмо 28 января 1920 года, в разгар борьбы за независимость Беломорской Карелии. В этот исторический момент он горячо уговаривает Ахаву, жившего в Финляндии, приехать и дать квалифицированный совет, поясняя эту просьбу полной неспособностью местных жителей разобраться в ситуации. Он пишет:

«мы здесь [...] словно без отца, мы слишком мало способны для таких дел, для политических [...] и наши нынешние руководители здесь слишком уж упрямые мужики [...] и у нас будет здесь областное законодательное собрание, для которого нужно много способных, а мы неучёные [...] так что если Вы смогли бы приехать сюда, Вы сделали бы большую работу на пользу Карелии [...]»¹¹³

Хотя, как было отмечено ранее, часть карельского населения была экономически ориентирована на Финляндию, мы не можем утверждать, что чувство национальной близости к финнам, профинская идентичность играли значительную роль в самосознании карел. На протяжении столетий карелы воспринимали финнов как представителей западного агрессора – Швеции, недаром финнов называли в карельской среде «руочи» – шведы. Помимо политического и военного противостояния государств, финнов и российских карел разделяла религия – карелы воспринимали финнов как представителей враждебной, «латинской» (пусть и модернизированной) веры. Не стоит забывать, что в значительной степени мировоззрение карел было патриархальным, традиционным, а значит, роль религии для их самоидентификации была чрезвычайно важна. Лютеранская миссия почти не имела успеха в среде карел, ибо основная их часть принадлежала даже не к ортодоксальной православной, а к старообрядческой вере. Об этом мы узнаём из многочисленных донесений местных священников. Так, священник Кестеньгского прихода констатировал: «...едва ли когда может функционировать в Кестеньгском приходе панфинско-сектантская пропаганда, так как за немногими исключениями большинство прихожан более склонны к старообрядчеству»¹¹⁴. Архангельский епископ Иоанникий сообщал в 1908 году в письме к архангельскому губернатору: «народонаселение с. Логоваракского, Кестеньгского, Олангского, Пильдозерского, Кондокского и Поньгамского [приходов], как издавна заражённое расколом и духом старообрядчества, не поддаётся влиянию финско-протестантской пропаганды...»¹¹⁵

Хорошо иллюстрирует отношение олонецких карел¹¹⁶ к деятельности Союза беломорских карел письмо к его председателю Алексею Митрофанову от жителя Ребол, крестьянина Феодора Васильевича Нечаева. В 1917 году Нечаев играл важную роль в жизни Ребольской волости – он был гласным губернского земского собрания, членом Повенецкой уездной управы (позже, с сентября 1917 года – председателем Ребольской волостной земской управы), занимался продовольственным вопросом и даже в декабре 1917 года был выбран в Ребольский совет, который заменил собою земство¹¹⁷. В длинных письмах, написанных хорошим слогом и по-русски, Нечаев летом 1917 года объясняет, почему он сам и многие его соплеменники раньше выступали против деятельности Союза беломорских карел, воспринимая его как финского агента влияния. «Когда поднялась после 1905–07 гг. шумиха о панфинской пропаганде, о присоединении Карелии к Финляндии, – пишет Нечаев, – на горизонте нашей серенькой

¹¹³ Национальный архив Финляндии (Suomen Kansallisarkisto – КА). Ahavan kokoelma. Kansio 18:2 / пер. М. Витухновской-Кауппала.

¹¹⁴ НА РК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 11.

¹¹⁵ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1336. Л. 235, 235 об.

¹¹⁶ То есть карел, проживавших на территории Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии.

¹¹⁷ Мы почерпнули сведения о деятельности Нечаева из его писем Митрофанову (КА. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31) и из воспоминаний ребольского общественного деятеля, главы продовольственной комиссии в 1917 году Пекки Кюёттинена (КА, Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmät. Kot. 112).

карельской тиши часто стали упоминать Вашу фамилию. Читали появившуюся в обращении газету „Karjalaisten rakinoita“ („Карельские беседы“), возник пресловутый союз „Карельское братство“¹¹⁸. Не знаю, как отнеслись к этому движению архангельские братья карелы, но мы, т. е. повенецкие, отнеслись отрицательно. Хотя я, говорю лично за себя и многих моих знакомых в уезде, не сочувствовали Братству, но не сочувствовали и идее присоединения Карелии к Финляндии.

Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии...»¹¹⁹

О различном отношении карел к Финляндии и финскости в период до 1918 года даже в приграничных районах Беломорской Карелии можно судить, например, по донесениям финской военной разведки, составленным с целью подготовки к добровольческому походу. В донесениях отмечалось, сколько «профински» настроенных местных жителей, на которых могли бы опереться финны, проживает в каждой деревне. Приведём выдержку из этого документа: «Деревня Соукело [...] в деревне 15 домов. Самый зажиточный Илья Макарьевич, дом Зайкова. Илья „профинский“ человек. [...] [деревня] Руванкюля [...] Самые зажиточные хозяйства у Максима Сока и Нииккана, [...] Василия и Микиты. „Профинские“. [...] В деревне Ниска 17 домов и столько же лошадей. Самые богатые – Енкима Василий и Осип, которые являются „профинскими“ мужиками. Но Конной и Микита Арпонен – „ненавистники финнов“. [...] Деревня Платсойла [...] в деревне 4 дома, дома Хотаты и Тимо – самые зажиточные. Тимо „большевик“, но не Хотата. [...] [деревня] Хирвеаниemi, в которой 11 домов. Дом „профинского“ Ивана Макконена самый зажиточный. Молодёжь в деревне „большевики“»¹²⁰.

Из этих сведений явствует, что «профинская» ориентированность была свойственна наиболее зажиточным крестьянам из северно-карельских деревень. И это вполне объяснимо: Финляндия, как мы уже писали ранее, была для обитателей карельских районов, особенно приграничных, примером динамично развивающегося, модернизированного общества, предлагающего многие возможности для экономически активных людей. Но, как видим, далеко не все богатые были настроены «профински», а кроме того, в деревнях находились и люди, которые в сводке определяются как «большевики». Сопоставление с другими источниками показывает, что финские добровольцы имели обыкновение называть «большевиками» тех крестьян, которые не были готовы их поддерживать, не стремились к присоединению Карелии к Финляндии.

Однако и по отношению к России восточные карелы испытывали чувство отчуждённости, несмотря на попытки к сближению, предпринятые метрополией в начале XX века. Российская власть, обнаружив стремление финских активистов вести национальное наступление на Карелию, начала принимать контрмеры. Поскольку карельские регионы были экономически отсталыми, а многие – слабо связанными с российскими центрами как хозяйственно, так и культурно, властями и православной церковью были разработаны различные стратегии, призванные «привлечь» карел на свою сторону. Выделим основные из них:

– попытки экономически развить регион и упрочить его связь с российскими центрами. К числу наиболее амбициозных проектов следует отнести попытку улучшить и создать новые дороги, построить железную дорогу Петербург–Петрозаводск, связанную с карельскими районами, а также поиск способов модернизации крестьянских хозяйств;

¹¹⁸ Карельские православные братства были созданы в 1906 году деятелями Русской православной церкви для борьбы с «панфинской» и лютеранской пропагандой в Карелии. Полные названия братств: Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила и Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Георгиевское братство действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а братство Архангела Михаила – в епархии Архангельской.

¹¹⁹ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

¹²⁰ KA. Yleisesikunnan toim. T19167/1. Vuosi 1918. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

– усиление православия в карельских районах: организация православных карельских братств, которые осуществляли миссионерскую деятельность и катехизацию, создавали школы и библиотеки, переводили церковные тексты на карельский язык, организовывали крестные ходы через карельские районы;

– культурно-просветительная деятельность: расширение школьной сети, организация лекционной деятельности, создание библиотек;

– силовые методы воздействия: депортации финских активистов из Карелии, аресты и высылки местных членов Союза беломорских карел, изъятие пропагандистской литературы, усиление полицейского режима в карельских районах.

Несмотря на усилия российских властей, никаких принципиальных сдвигов в улучшении положения карельских крестьян не произошло, ибо на экономические мероприятия не хватало денег (наиболее показательными выглядят многолетние, но тщетные попытки получить финансирование на постройку железной дороги), а церковные и просветительские тормозились боязнью хотя бы частичного использования карельского языка, который стал бы, по мнению деятелей школы и церкви, проводником финского влияния¹²¹. Карельское население по-прежнему ощущало себя забытым, хотя степень «забытости» различалась в зависимости от принадлежности к разным губерниям. Карелы Олонецкой губернии были в сравнительно лучших условиях по сравнению с беломорскими карелами, так как у олончан было земство, сильно помогавшее развивать дорожное, медицинское, ветеринарно-агрономическое и школьное дело. Но и земство не спасало от отсталости. В земском издании Олонецкой губернии за 1910 год писалось: «На всей губернии лежит отпечаток какой-то заброшенности, безжизненности. Особенно резко это выступает в пограничных с Финляндией местах. Переехали вы границу, и вы точно переселились куда-то далеко, в другую страну»¹²². Ситуация в Беломорской Карелии была ещё хуже: бездорожье распространялось на 85 % населённых мест, во всём регионе не было ни одного врача. В конце XIX века всё население карельских волостей Кемского уезда должны были обслуживать лишь три фельдшера и две повивальные бабки¹²³. Ухтинский священник И. Чирков констатировал в 1907 году: «Медицинской помощи население не получает никакой. Правда, есть в Ухте и фельдшерский пункт, но ухтяне потеряли веру в медицину...»¹²⁴

Экономическая отсталость и оторванность основной части карельских регионов от развитых центров, архаичность ведения хозяйства, почти полное отсутствие модернизационных импульсов привели к замедлению здесь процессов социальной дифференциации. Социальная стратификация карельской деревни, к сожалению, почти совсем не изучена, однако, насколько мы можем судить по воспоминаниям карел и некоторым историческим трудам, в Олонецкой губернии расслоение шло быстрее, чем в Кемском уезде Архангельской губернии. Беломорские карелы представляли собою достаточно однородную в экономическом отношении группу со стабильно низким уровнем жизни. Прокормиться крестьянским хозяйством было невозможно, и основная часть населения занималась, в дополнение к традиционным занятиям, отхожими промыслами (главным образом лесозаготовками и коробейничеством). Впрочем, почти в каждом поселении была небольшая группа зажиточных крестьян, наживших состояние торговлей или каким-либо промыслом. В карельских районах Олонецкой губернии имуществен-

---

¹²¹ О попытках российской власти противостоять финскому влиянию см. подробно: *Витухновская М.* Указ. соч.

¹²² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 424.

¹²³ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* О карельской народной медицине: Рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // *Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл* / науч. ред. И. Ю. Винокурова, Ю. Ю. Сурхаско. Петрозаводск, 1994. С. 104.

¹²⁴ *Чирков И.* Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // *Архангельские губернские ведомости.* 1908. № 88. С. 3. Цит. по: *Паикова Т. В.* Государственное здравоохранение и народная медицина в карельской деревне в конце XIX – начале XX века // *Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология.* 2015. № 3. Т. 2. С. 13.

ное расслоение было выражено более отчётливо, и зажиточных хозяев было больше. В своих воспоминаниях крестьянин села Святнаволок Петрозаводского уезда М. В. Ларионов отмечает, что наиболее значительную группу составляло «бедняцко-батрацкое» население, середняков было немного и они были мало активными, но «ещё более малочисленная верхушка деревни – кулацкая прослойка была весьма активной...»¹²⁵ Различие в социальной стратификации беломорских и олонецких карел отразилось, в частности, и на выбираемых карелами в послереволюционный период стратегиях, о которых мы будем говорить далее.

Заброшенное положение края, отрезанность его от российских центров, культурная чуждость не могли не сказаться на отношении карел к России и русской власти. Документы показывают большую степень их отчуждённости, свидетельствуют об отношении карел к России как к чуждой территории, связанной с ними лишь искусственно. Об этом в 1908 году писал олонецкий губернатор Н. В. Протасьев: «Этот искони русский край [Повенецкий уезд. – *Примеч. авт.*], несомненно, тяготеет к Финляндии – с нами существует только искусственная связь. Тамошняя культура находится в 40 верстах, а наша на расстоянии 400 вёрст»¹²⁶.

То, что карелы ощущали свой регион обитания особым, отдельным от России, показал ещё в 1879 году финский «открыватель Карелии» Август Вильгельм Эрvasti в рассказе о своей поездке в Беломорскую Карелию. Когда финские путешественники с карельскими проводниками пересекли границу, один из финнов заметил: «Ну вот, теперь мы в России!». Но карелы в один голос ответили ему: «Не в России, а в Карелии!» («Ei Venähellä, vaan Karjalassa!»)¹²⁷. Подобное же ментальное отделение России от Карелии отмечалось и русскими наблюдателями: когда олонецкий учитель П. Покровский описывал в 1870-х годах быт карел Горского прихода, он отмечал, что они называют соседний Лодейнопольский уезд с русским населением «Русью», в отличие от их собственного региона – «Карьялы»¹²⁸.

Представляется, что наиболее точно характер национального самосознания карельского населения Северо-Запада России в начале XX века определяет формула «народный протонационализм», предложенная Эриком Хобсбаумом. Исследователь понимает под протонационализмом «определённое чувство коллективной принадлежности», основанное на различных формах массовой идентификации. Хобсбаум признаёт, что понимание истинной сущности народного протонационализма – вопрос необыкновенно сложный, ибо требует проникновения в мысли и чувства людей неграмотных, неспособных отчётливо осознать и сформулировать свою принадлежность к той или иной общности¹²⁹. Тем не менее он предполагает, что в основе этого типа коллективной идентичности может лежать массовая культурная идентификация с определённым языком, идея общего происхождения, то есть единства некоей этнической группы («чувство племени»), общие обряды и ритуалы, а также религия, – хотя, отмечает Хобсбаум, отождествление религии и этноса существует далеко не везде¹³⁰.

Те немногие свидетельства о характере идентичности карел, которыми мы располагаем, позволяют судить о том, что в основе сплочённости этой группы лежало несколько факторов: культурная и языковая общность, «чувство племени», а также ощущение цельности своего региона, окружённого «чуждыми» по вере (финны) или по культуре и языку (русские) народами.

Наиболее ярко этот этно-региональный тип идентичности проявляется в письмах карел, взятых на службу в русскую армию и вынужденных подолгу находиться вдали от дома, в

¹²⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 36. Л. 1.

¹²⁶ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/61. Л. 24.

¹²⁷ *Ervasti A. E. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879 / toim. P. Laaksonen. Helsinki, 2005. S. 31.*

¹²⁸ *Паиков А. М. Краеведческое изучение олонецких карел сельскими учителями в 1870-е годы // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. СПб., 2005. Вып. 4. С. 136.*

¹²⁹ *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 74–77.*

¹³⁰ Там же. С. 84, 101, 110–111, 115.

русских регионах страны. Окружённые иноязычным, культурно и этнически чуждым населением и сослуживцами, карелы чувствовали себя заброшенными на чужбину, и только близость соплеменников могла скрасить это ощущение оторванности от родины. Вот фрагменты некоторых из писем, написанных родственниками уже известному нам Пааво Ахаве:

– Иван Афанасьев из Новгорода, 2 февраля 1898 года: «...да с деньгами-то я справлюсь, а вот сложнее справиться с печалью, посмотрите, кругом иноязычный народ! Очень это грустно, как я по-русски не говорю ни слова, смотрю только в рот как баран на новые ворота».¹³¹ Тот же Иван: «...я сейчас совершенно среди русаков, карельского говора совсем не слышно...»¹³²;

– двоюродный брат Ахавы Савва Афанасьев (Самппа Ахава) из Новгорода, 14 января 1904 года: «Как не знаешь языка да не понимаешь из их речей ничего [...] так это, правда, грустно!»¹³³;

– Оскари (Ристо) Тихонов из Твери, 23 мая 1915 года: «Нас здесь много карел, все ухтинцы [...] Немного здесь грустно, когда подумаешь о вольной жизни. Здесь же чужая власть...»¹³⁴ В других письмах Оскари постоянно отмечает, служат ли рядом другие карелы, здоровы ли они, передаёт от них приветы.

«Протоциональное» самосознание карел сформировалось во многом вследствие их ощущения своей чуждости как восточным, так и западным соседям – русским и финнам. Ни Россия, ни Финляндия не представлялись им родиной. «Своим» регионом, домом была для них «Карелия-матушка», как позже называли свой край в письмах карельские беженцы.

Может быть, наиболее ярко выразила эту карельскую самоидентификацию речь «70-летнего старика Данилы Микиття» на собрании деревни Поньгама летом 1918 года, когда расположившиеся там финны пытались получить резолюцию о желании сельчан присоединиться к Финляндии. Эта речь зафиксирована в воспоминаниях Ивана Лежоева, хранящихся в архиве карельского писателя Я. В. Ругоева:

«Дорогие господа! Уже 70 лет я прожил, и как только попадал в Финляндию, меня иначе не называли как рюсся, а в России в Кеми кто-то называл чухной, а кто-то – карел (кореляка) [...] так чёрт побери зачем ещё бумагу марать [...], если финнам и так ясно, что мы карелы [...] и у нас карельских мужиков дубины, и мы пойдём в леса [...] и если придёт кто-то мешать нам работать, я смогу этой дубиной защитить себя»¹³⁵.

---

¹³¹ КА. Ahavan kokoelma. Kansio 24:8. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

¹³² Ibid.

¹³³ КА. Ahavan kokoelma. Kansio 22:2. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

¹³⁴ КА. Ahavan kokoelma. Kansio 25:21. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

¹³⁵ НА РК. Ф. Р-3716. Оп. 1. Д. 856. Л. 38. Воспоминания Ивана Лежоева хранятся также в НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139.

Глава 3

Карелия между Февральской и Октябрьской революциями

3.1. Февральская революция и национальный вопрос

Февральская революция 1917 года стала катализатором многих политических процессов, развивавшихся в России в предшествовавший период. Наряду с преобразованием политического устройства страны не менее бурно и стремительно шло развитие национальных движений и обособление национальных регионов. Толчком к эмансипации национальных окраин послужили принятые Временным правительством политические реформы: отмена дискриминационных ограничений для меньшинств и уравнивание всех граждан страны в их правах. Изменение политического климата в стране, обретение гражданских свобод наряду с ослаблением легитимности власти привело к высвобождению центробежных сил. Меньшинства начали проявлять тягу к эмансипации. Не случайно национальный вопрос обсуждался как на «низовом», региональном уровне, так и в Петрограде. Каждая из значимых партий сформулировала свои подходы к национальному вопросу и грядущему региональному и национальному устройству России. Причём весной и летом 1917 года ведущие партии высказались по преимуществу за предоставление меньшинствам культурно-национальных автономий, хотя региональное устройство России виделось различным политическим силам по-разному¹³⁶.

Повсеместно активизировалась деятельность националистических организаций. Как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «общероссийским партиям пришлось столкнуться с лавинообразно возникающей массой „этнических“ партий»¹³⁷. В национальных регионах страны нарастало автономистское движение, приведём несколько примеров. В июне 1917 года украинская Центральная Рада провозгласила автономию Украины. Такое же требование выдвинули молдавская национальная партия и мусаватистское движение Азербайджана, а в июле 1917 года в Казахстане была создана партия Алаш, выступавшая за национально-территориальную автономию. О национально-культурной автономии заявляли народы Поволжья и Сибири. В самых разных частях империи созывались национальные съезды. Центробежные тенденции коснулись и армии. Деникин вспоминал: «С началом революции и ослаблением власти проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин, и наряду с ним стремление к национализации, то есть расчленению армии. [...] Начались бесконечные национальные военные съезды. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане – требуя провозглашённого „самоопределения“ – от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно»¹³⁸. Процессы суверенизации, проходившие во многих национальных регионах империи, широко изучаются, и посвящённая им литература весьма обширна¹³⁹.

---

¹³⁶ См. об этом подробнее: *Красовицкая Т. Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля-октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 18–33.

¹³⁷ Там же. С. 34–35.

¹³⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917 г.). Париж, 1921. Т. 1. С. 196–197.

¹³⁹ См. например: *The Ukraine, 1917–1921: a Study in Revolution* / ed. J. T. von der Heide, T. Hunczak. Cambridge, 1977; *Upton A. F.* *The Finnish Revolution 1917–1918.* Minneapolis, 1980; *Юлдашбаев Б. Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984; *Suny R. G.* *The Making of the Georgian Nation.* Bloomington, 1988; *Исхаки Г.* Идель-Урал. Казань, 1991; *Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994; *Тагиров И. Р.* История национальной госу-

---

дарственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000; *Кульшарипов М. М.* Башкирское национальное движение (1917–1922). Уфа, 2000; *Майдурова Н. А.* Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. (от Горной Думы к Каракоруму). Горно-Алтайск, 2002; *Алексеев Е. Е.* Национальный вопрос в Якутии (1917–1972). Якутск, 2007; *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922). Томск, 2009; *Каземзаде Ф.* Борьба за Закавказье (1917–1921). Стокгольм, 2010; *Русанов В. В.* Национальный суверенитет и процессы суверенизации Горного Алтая (в первой четверти XX века). Барнаул, 2010; *Сулко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2. М., 2014; *Smele J. D.* The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. Oxford, 2015.

3.2. От Союза беломорских карел к Карельскому просветительскому обществу

Карельские регионы Олонецкой и Архангельской губерний не остались в стороне от мощных центробежных процессов, охвативших империю. Основные проблемы региона не только не были решены к 1917 году, но и усугубились, ибо за три года войны ситуация здесь сильно изменилась к худшему. Сельское хозяйство Карелии страдало от нехватки рабочих рук – в результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47 % трудоспособного мужского населения. Посевные площади в Карелии сократились к 1917 году на 38 % в сравнении с 1913 годом. Были закрыты или работали с недогрузкой многие лесопильные заводы, свёртывались лесозаготовки, – а значит, крестьяне теряли возможность получить необходимый им дополнительный приработок. Деревня нищала. Единственной возможностью приработка для многих жителей близлежащих районов стало строительство Мурманской железной дороги. Однако и здесь условия жизни ухудшались, рабочий день часто превышал 10 часов, а заработная плата постоянно задерживалась¹⁴⁰.

В Карелии ширился продовольственный кризис, который выражался в постоянно растущих ценах на продукты питания. По подсчётам В. Бузина, если до войны семья из четырёх человек тратила в месяц на необходимое питание и промышленные товары первой необходимости 32 руб. 27 коп., то к декабрю 1915 года эта сумма составляла уже 61 руб. 73 коп. Рост цен составил почти 50 %¹⁴¹.

Резкое ухудшение уровня жизни карельского населения фиксируется в различных чиновничьих рапортах и отчётах. Например, в одном из донесений в Петербург за 1915 год олонецкий губернатор М. И. Зубовский отмечал «удручённое настроение» крестьянского населения губернии «по случаю крайнего недостатка хлеба и отсутствия корма для скота»¹⁴². Учитель М. И. Бубновский в начале 1917 года писал, что в карельском крае крестьяне «по неделям живут без хлеба» и питаются «мякиной, сосновой толчёной корой и мелко раскрошенной сухой соломой, примешанной с горстью муки»¹⁴³.

Сразу после февральских революционных событий карельские и финские национальные активисты возобновили свою работу. Председатель Союза беломорских карел Алексей Митрофанов (Митро) написал секретарю Союза, писателю и национальному активисту Ииво Хяркёнену: «Теперь пришло время вновь начать ковать Сампо Беломорской Карелии, продвигая дело нашей красивой и убогой Карелии. Нужно незамедлительно созвать собрание находящихся в Финляндии беломорских карел и занимающихся этим делом финнов, чтобы обсудить, каким образом нужно было бы начинать продвигать дело Беломорской Карелии»¹⁴⁴. Митро разослал приглашения небольшой группе живших в Финляндии беломорских карел, которые в числе 22 человек должны были собраться в Тампере, – символически встреча была назначена на день рождения Элиаса Лённрота, 9 апреля¹⁴⁵.

---

¹⁴⁰ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 316–317, 321; Дубровская Е. Ю., Корablёв Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб., 2015. С. 174–176.

¹⁴¹ Бузин В. Война и жизнь // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 23. С. 2.

¹⁴² НА РК. Ф. 1. Оп. 9. Д. 12/430. Л. 4. Цит. по: Дубровская Е. Ю., Корablёв Н. А. Указ. соч. С. 174.

¹⁴³ Бубновский М. В бане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. 7/8. С. 289. Цит. по: История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 322.

¹⁴⁴ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997. S. 111.

¹⁴⁵ Ibid. S. 110–123. См. также: Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. С. 88–97; Она же. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 141–143.

Накануне этого дня была определена новая стратегия: распространить деятельность Союза не только на Беломорскую, а и на Олонецкую Карелию, создав новое общество, соответствующее этой задаче. Во избежание конфликтов и недоразумений с новой российской властью было решено направить депутацию к Временному правительству, обозначив тем самым свои намерения. В депутацию были первоначально избраны четверо из руководителей Союза: А. Митрофанов (Митро), Т. Ремшуев (Маннер), И. Естоев (Таннер), С. Дорофеев (Аланко), к которым потом присоединился известный активист Павел Афанасьев (Пааво Ахава). На следующий день на собрании Союз беломорских карел был преобразован в Карельское просветительское общество. Таким образом, карельские активисты дали понять, что воспринимают карельский регион как единый и цельный, поскольку, как пояснял присутствующим секретарь правления общества, известный писатель, переводчик и преподаватель Ииво Хяркёнен, здесь везде и в одинаковых условиях проживает «один народ, одна кровь и дух». Карельский национальный проект обновился, приобретя общенациональный масштаб.

Проект устава Общества был утверждён позже, 28 мая 1917 года¹⁴⁶. Он немногим отличался от устава Союза беломорских карел, однако стоит отметить одну существенную особенность: члены Общества подразделялись на активных (готовых действовать) и пассивных, при этом две трети активных членов должны были составлять карелы, проживающие в Архангельской и Олонецкой губерниях¹⁴⁷. Так выразилось стремление Общества сделать его деятельность массовой и приблизить к жителям Российской Карелии.

Депутация Общества более недели находилась в Петрограде в первой половине мая 1917 года. Временному правительству был доставлен пространный адрес «За Карелию Архангельской и Олонецкой губерний». Адрес начинался словами: «Мы явились сюда по делам живущих в России карел Архангельской и Олонецкой губерний. Мы, члены этой депутации, не живём среди названного народа, а в Финляндии, но мы все по рождению и родству оттуда и большая часть из нас русские подданные»¹⁴⁸. Далее, сообщив о создании и целях Карельского просветительского общества, авторы адреса перешли к характеристике тяжёлых условий жизни Карелии, подчёркивая, что «бывшее, теперь низвергнутое правительство так же мало заботилось об этой области, как и о многих других частях Русского государства [...] и не помогало им ни словом, ни делом»¹⁴⁹.

Рассказывая о совершенном упадке земледелия, скотоводства «и иных промыслов», о почти полном отсутствии путей сообщения, авторы адреса особенно подчёркивали отсутствие в крае просветительской и духовной работы, ибо карелы не понимают русских книг и церковных служб. При этом «поездки и прочие экономические сношения с Финляндией принесли в область финскую грамоту и просвещение», – так что, намекали деятели Общества, именно из Финляндии «проникает немного просвещения в Карелию»¹⁵⁰.

Карелы, сообщая авторы адреса, с нетерпением ожидают Учредительного собрания и разрешения своих проблем. «На этот раз мы ещё не представители всего народа, – признаются они, – но мы знаем, что наша деятельность, наши желания основаны на народной воле»¹⁵¹. Они ждут от Временного правительства помощи карелам и предлагают способствовать в выполнении предлагаемой программы. Первым пунктом программы выступали уже знакомые, сформулированные ещё в 1905 году языковые требования – «введение родного языка местного населения в церквах и школах», а также назначение чиновников, знающих язык

¹⁴⁶ Ranta R. Op. cit. S. 111–112.

¹⁴⁷ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917–1920. Sidos 105.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Ibid.

народа. Для осуществления этого требования в карельских районах (предлагались сёла Ухта, Реболы, Паданы, Сязозеро и г. Олонец) должны быть учреждены духовная и учительская семинарии, а также два средних учебных заведения. Должна быть начата прокладка дорог в регионе, а кроме того, учреждены комиссии для подготовки местных экономических реформ, издания богослужебных книг и учебников, и пр.¹⁵².

Адрес завершался географическими, демографическими и этническими сведениями о карелах, причём авторы явно пытались нивелировать как языковые, так и этнические отличия разных этнических групп карел, стремясь подчеркнуть единство народа. Кривя душой, авторы сообщали: «Язык повсюду тоже одинаков и отличается только тем, что на севере согласные выговариваются потвёрже и окончания совершеннее чем на юге. Кроме того, на юге много слов, заимствованных из русского языка...»¹⁵³ Отдельные прошения были переданы министру народного просвещения (с просьбой о создании школ и училищ) и обер-прокурору Святейшего Синода – с просьбой о создании отдельной Карельской епархии и переводе служб на карельский язык¹⁵⁴.

Как видим, на начальном этапе своей деятельности вновь созданное Общество действовало осторожно, и в целом держалось линии, выработанной в 1905–1906 годах. Речь шла об элементах национально-культурной автономии для карел, но ещё не было ни намёка на более глубокий национально-территориальный статус. Неопределённая ситуация в стране, непонимание будущего курса Временного правительства обусловили первые, робкие шаги карельских националистов. В Петрограде состоялись встречи с министрами просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода (обещанное свидание с министром внутренних дел так и не произошло из-за занятости последнего), которые отнеслись к карельским посланцам доброжелательно. Министр народного просвещения А. А. Мануйлов сообщил, что правительство не будет препятствовать просветительской деятельности Общества. Оно может основывать в Карелии свои школы. Обер-прокурор Синода пообещал позаботиться о священниках, знающих карельский язык¹⁵⁵.

Получив эти ответы, Общество начало действовать самостоятельно, – на реальную поддержку Временного правительства рассчитывать не приходилось. Переписка членов Общества показывает, что действовали в нескольких направлениях¹⁵⁶. Прежде всего, осуществлялась подготовка народного собрания представителей карельских волостей в селе Ухта, которое считалось неформальной столицей Беломорской Карелии (население Ухтинской волости составляло в 1908 году 3076 жителей, а в самом селе Ухта проживало 1260 человек)¹⁵⁷. С этой целью велась агитация – были отпечатаны тысячи агитационных листов на южнокарельском (ливвиковском) диалекте, на русском и финском языках. Их рассылали по почте в самые разные карельские поселения. Кроме того, приступили к подготовке агитаторов-эmissаров, которые должны были проводить беседы с народом в различных карельских деревнях, а заодно собирать сведения о настроениях в обществе. И наконец, отбирали учителей для открытия в Карелии передвижных школ. В письме Митрофанова Ииво Хяркёнену от 14 июля перечисляются предполагаемые агитаторы и учителя. Первых было отобрано шестеро (из двенадцати, пославших заявления). В списке учителей – десять карельских девушек. Школы начали работать с осени 1917 года¹⁵⁸.

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ranta R. Op. cit. S. 116.

¹⁵⁶ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917. F Sidos 32.

¹⁵⁷ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 9–10.

¹⁵⁸ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917. F Sidos 32. Елена Дубовская отмечает, что в 1917–1918 учебном году в приграничных с Финляндией карельских волостях было открыто более

Как показывает Елена Дубровская, активисты Общества открывали в крупных сёлах библиотеки и читальни. 13 мая вышел первый номер газеты «*Karjalaisten sanomat*» («Карельские новости»), в которой печатались заметки на финском языке в переводе на карельский. В Ухте, Вокнаволоке и Реболах стали создаваться местные комитеты «Карельского просветительского общества».

Дубровская справедливо отмечает, что их деятельность далеко не всегда встречалась в этих регионах с одобрением. Так, 21 мая 1917 года съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, «выслушав сообщение об активизации работы просветительского общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности»¹⁵⁹. В дальнейшем мы покажем, что даже в Ребольской волости Повенецкого уезда, наиболее тесно связанной с Финляндией экономически и культурно, звучали, тем не менее, серьёзные возражения относительно внедрения финского языка, сближения с Финляндией, и тем более присоединения к ней.

десять школ с преподаванием на финском языке; общее количество учащихся в них превысило 400 человек (Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89).

¹⁵⁹ Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89.

3.3. Карелы о проектах будущего

12-13 июля 1917 года (по новому стилю) в Ухте состоялся съезд представителей карельских волостей¹⁶⁰. К этому времени ситуация в стране изменилась, и стало ясно, что власть Временного правительства ослабла. Помимо политических оппонентов в лице советов этим воспользовались и национальные организации окраин. Одной из первых бросила вызов центральной власти украинская Центральная Рада, принявшая в одностороннем порядке 10 (23) июня Первый Универсал, провозгласивший национально-территориальную автономию Украины в составе России. 2 (15) июля Рада получила правительственную декларацию о том, что правительство благосклонно отнесётся к разработке проекта национально-политического статута Украины. Генеральный секретариат был признан украинским высшим распорядительным органом. Это привело к кризису внутри самого Временного правительства – три министра-кадета (Д. И. Шаховской, А. А. Мануйлов и А. И. Шингарёв) покинули его в знак протеста против уступок автономистским требованиям Рады. На следующий же день в Петрограде началось вооружённое восстание анархистов и большевиков.

Серьёзный кризис разразился и в отношениях Временного правительства с Финляндией, являвшейся колыбелью карельского национального движения. 5 (18) июля, в разгар июльского кризиса, когда не ясен был ещё исход восстания большевиков в Петрограде, финский сейм одобрил (136 голосов «за» и 55 «против») социал-демократический проект «закона о верховной власти», суть которого сводилась к тому, что парламент Финляндии явочным порядком присваивает себе право принимать решения, касающиеся внутренних дел Великого княжества. Сейм решил не направлять этот «закон о верховной власти» на утверждение Временному правительству. Это привело к кризису в отношениях между Великим княжеством и Временным правительством и роспуску парламента Финляндии.

Как видим, Ухтинский съезд проходил, можно сказать, под аккомпанемент различных грозных событий, которые не могли не повлиять на радикализацию требований его организаторов. Однако, прежде чем мы обратимся к ходу и резолюциям самого съезда, вникнем в те настроения, которые в тот момент царили в карельской деревне. Историк Стэйси Черчилль обобщил наблюдения эмиссаров Карельского просветительского общества, отражённые в их рапортах. Он констатирует, что, хотя политические позиции жителей различных регионов Карелии сильно различались, эти различия не касались экономических проблем. Здесь царило единодушие: крестьян везде объединяло требование раздела земли и государственных лесных угодий¹⁶¹.

Волостные земельные комитеты выдвигали требования бесплатной передачи всех земель в общегосударственный фонд и уравнительного распределения этих земель на условиях долгосрочного пользования, требовали возврата отрезанных ранее в пользу казны сенокосных и других участков¹⁶². Во многих местностях крестьяне, не дожидаясь решений высшей власти, настаивали на выделении им покосов и земельных участков. Олонецкий губернский земельный комитет, напоминая, что Временное правительство приостанавливает всякое движение земельной собственности, с тревогой предупреждал в августе население о том, что «всякое насильственное нарушение прав собственника неуклонно будет преследоваться законом»¹⁶³.

---

¹⁶⁰ Текст протокола съезда см. в Приложении.

¹⁶¹ Churchill S. Op. cit. S. 31–40. Рапорты содержатся в следующем архивном собрании: КА. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917–1920. Sidos 105.

¹⁶² *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. С. 20.

¹⁶³ Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: сб. документов и материалов. С. 79.

Отчаявшиеся карельские крестьяне начали искать возможности самостоятельного решения давно назревших проблем. Как и в других национальных регионах страны, выход виделся многим в регионализации, той или иной форме автономного самоуправления внутри России. Для карельских регионов встал вопрос о выборе формы самоуправления, и, как показывают источники, единого мнения здесь не существовало. Стейси Черчилль, сравнивая рапорты из Беломорской и Олонецкой Карелий, приходит к выводу, что если в первой преобладал «уверенный карельский дух» и ненависть к царским чиновникам, священникам и полиции, которых изгоняли из ряда мест (их обоснованно считали агентами власти и проводниками русификационной политики), то жителям Олонецкой Карелии была присуща ориентация на российские центры и недоверчивое отношение к политической деятельности Финляндии в регионе. И хотя и здесь можно было найти людей, надеявшихся на присоединение Олонецкой Карелии к Финляндии, гораздо больше встречалось таких, кто жёстко противостоял этой идее. Эмиссар Карельского просветительского общества В. Петров, проехавший по волостям Олонецкой Карелии, в рапорте от августа 1917 года подчёркивал, что «большая часть народа – ничего не знающий элемент, цепляется за своё прежнее состояние и верит в „Великую Россию“, каким бы положение ни было»¹⁶⁴.

Черчилль подчёркивает, что, тем не менее, Олонецкая Карелия не была однородным регионом. Население её северо-западных волостей, Ребол и Поросозера, было более подвержено финскому влиянию. Посланные сюда два агента сообщали, что многие жители выступали за создание здесь финской школы. Однако в других районах Олонецкой Карелии, по донесениям эмиссаров, жители даже стеснялись своего языка и стремились говорить с чужими порусски, как бы демонстрируя свою «культурность». Поэтому агенты Карельского просветительского общества в этих регионах не имели успеха¹⁶⁵.

Черчилль выражает уверенность в том, что как жители Беломорской Карелии, так и население Ребольского и Поросозерского уездов в целом положительно относились к «панфинской» идее, – то есть идее единства (духовного, культурного, а в будущем и политического) финского и карельского народов. Однако наши наблюдения выявляют более противоречивую картину: мы не можем утверждать, что чувство национальной близости к финнам, профинская идентичность господствовала во всей Беломорской Карелии. Отношение к Финляндии варьировалось в различных волостях края и зависело от многих обстоятельств, в частности, от близости к финской границе.

Например, сторонник Карельского просветительского общества, житель Панозера Матти Вассанен в письме от 8 июля 1917 года подчёркивал, что по степени приверженности «финской идее» жители «верхних» и «нижних» деревень Беломорской Карелии резко различаются. «Почтительно интересуюсь, – писал он Алексею Митрофанову, – как Просветительское общество собирается пробудить этих карел из нижних деревень, которые почти поголовно русскоязычные?» В письме выясняется, что «нижними деревнями» (*alakyliät*) он называет поселения восточных волостей Беломорской Карелии, таких как Юшкозерская, Панозерская, Маслозерская и Подужемская. Автор письма негодует, что, в отличие от Вокнаволоцкой, Кондокской, Тихтозерской и Ухтинской волостей (перечисленные волости располагались вдоль финской границы), где «народ знает, что нам нужно делать и чего единодушно требовать», и уверен, что в Финляндии находятся «наши братья карелы, которые вновь подняли флаг в защиту карельских интересов» – жители «нижних деревень» ничего этого не осознают. «Это, наверно, происходит от того, – горько сетует Вассанен, – что здесь не было никакого [национального. – Примеч. авт.] пробуждения», и местное население в основном обучалось в русских школах¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ Churchill S. Op. cit. S. 35–36.

¹⁶⁵ Ibid. S. 36.

¹⁶⁶ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kir-jeenvaihto. Sidos 31.

Интересно, что о подобном же ментальном разделении между восточными и западными волостями Беломорской Карелии свидетельствует и другой респондент Митрофанова, вновь избранный (вместо изгнанного после Февральской революции) староста Ухты Лео Панкконен. Уже после Ухтинского съезда, в конце июля 1917 года он, перечисляя в письме те же волости – Юшкозерскую, Панозерскую, Маслозерскую и Подужемскую, – сообщает, что их жители всё-таки, в отличие от ухтинцев, склоняются в вопросе языка к русскому, хотя в школьном вопросе стоят скорее на позиции обучения на карельском или финском¹⁶⁷.

Существуют источники, показывающие, что и в Реболах далеко не все жители были носителями «профинского» духа. Уже упоминавшийся ребольский земский деятель Феодор Васильевич Нечаев объяснял в письме Митрофанову: «как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии и присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы? Нужно понять карел, и я думаю, что уже между финнами и карелами образовалась большая брешь, заделать которую пришлось бы много потрудиться». Нечаев вспоминает о массовом переходе в лютеранство финских карел, поскольку «православным карелам стало невыносимо жить в Финляндии». Приводит в качестве аргумента и уничижительное отношение финнов к карелам: «Как финны смотрят на православных финских кореляков? Смотрят как на животных. А на нас русских кореляков, как они величают нас „ryssä“, „pitkätukka“¹⁶⁸, и т. д. подоб. [...] Да! – констатирует Нечаев, – повторяю, между финнами и карелами большая пропасть, и думается, что заделывать её не напрасный ли труд?»¹⁶⁹

Важно отметить, что при этом Нечаев положительно относится к идее карельской автономии. Он пишет: «Да, уважаемый А. Митрофанов, теперь Вы взяли правильный курс! Выйдет или не выйдет что-либо из этого движения, пока судить преждевременно, но знайте, что Ваше имя станет дорогим всем карелам! Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников. [...] Разъезжая часто по Повенецкому уезду, я много веду с жителями беседы по волнующему меня вопросу и час то нахожу людей, сочувствующих Вашей идее»¹⁷⁰.

О том, насколько популярна была среди беломорских карел идея национальной автономии, можно судить и по воспоминаниям финского национального активиста Юхо Альфреда Хейкинена (более известного по прозвищу «дед из Халла»). Он, в частности, описывает дискуссии, которые летом 1917 года вели финские националистические активисты, стоявшие за присоединение Карелии к Финляндии, и представители беломорских карел. Большинство карел выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряли идею присоединения к Финляндии¹⁷¹.

Были, однако, и такие карелы, которые уже на этом этапе поддерживали идею присоединения своего края к Финляндии. Письмо одного из них мы встречаем среди материалов Митро – председателю Карельского просветительского общества писал солдат М. Воронов, уроженец деревни Святозеро Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Его короткое послание написано на ливвиковском диалекте (кириллицей) 9 июня 1917 года: «Товарищ Митрофанов! Случайно в мои руки попала газета (Карьялайстен саномат)¹⁷², которую я воспринял очень сочувственно. Я очень хочу, чтобы вся Карелия соединилась с народом Финляндии, да и от многих кореляков я сам слышал, большинство хотело бы соединиться с народом Финляндии, все знают

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ «Pitkätukka» – длинноволосый, очевидно, намёк на длинные бороды и волосы православных.

¹⁶⁹ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kir-jeenvaihto. Sidos 31.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Kokko A. Hallan ukko. Piirteitä maanviljeliä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo-Helsinki, 1939. S. 246–247.

¹⁷² Karjalaisten sanomat – «Карельские новости», газета Карельского просветительского общества.

финские порядки и новости. [...] Я же сам со своей стороны, когда буду дома, буду всем растолковывать начатые вами дела. Солдат М. Воронов. Почтовая станция Пюхьярви (Святозеро) Олонецкой губернии Петрозаводского уезда»¹⁷³.

---

¹⁷³ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kir-jeenvaihto. Sidos 31. Авторы выражают глубокую благодарность А. Левкоеву за перевод этого письма.

3.4. Июльский съезд в Ухте и проекты национальной автономии

Как видим, в карельских регионах существовал значительный разноречивый мнений по отношению к национальным и административным перспективам развития Российской Карелии. Поэтому Ухтинский съезд, состоявшийся 12–13 июля, не был единодушен в принятии решений. По подсчётам организаторов, в съезде участвовали депутаты, представлявшие треть населения Беломорской Карелии – до девяти тысяч человек¹⁷⁴. Здесь были делегаты от всех поселений Ухтинской волости, а также от Вокнаволоцкой, Тихтозерской, Кондокской и Панозерской волостей. Прислали своих представителей и карелы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги. Съезд был приурочен к традиционному православному празднику – Петрову дню (дню Петра и Павла), который начинали отмечать 29 июня (12 июля), и празднование обычно продолжалось два-три дня.

Записи прений участников съезда, увы, не сохранились, поэтому нам невозможно представить себе, как проходило обсуждение насущных для карел вопросов. По косвенным свидетельствам можно судить о том, что дискуссии были бурными: Пааво Ахава, вернувшись со съезда, писал Митро, что речей было много, и прения были живыми¹⁷⁵. Обратимся к содержанию решений съезда. Они показывают, что Карельское просветительское общество и собравшиеся в Ухте карельские представители перешли от планов национально-культурной автономии к идее национально-территориальной автономии, то есть создания самоуправляющегося карельского региона внутри России. Будущему Учредительному собранию адресовались нижеследующие заявления съезда.

На основе Архангельской и Олонецкой Карелий должна быть создана особая административная область, которая будет названа Карельская или Карельско-Северная. Границы области предлагались следующие: на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере – по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе – по границе с Финляндией и Ладожскому озеру. Впрочем, допускалось в будущем и специальное решение по границам области, которое разработала бы особая комиссия, назначенная Учредительным собранием (в комиссии должно было быть одинаковое число карел и русских). Разграничение полномочий предлагалось такое: общими с Россией будут финансовые, почтовые, военные и судебные дела, тогда как все остальные стороны жизни будут подчиняться областной администрации. Сюда будут относиться административные, аграрные и инфраструктурные вопросы, сфера образования, здравоохранения, торговли, промышленности и налогов. Автономизация должна была коснуться и дел церкви: на той же территории предполагалось создать Карельскую епархию.

В резолюции съезда подробно описывалась система органов управления будущей карельской автономией – от деревенской сходки как низшего звена до Главного совета (промежуточные звенья – волостной совет, уездный совет и сейм). Несомненно, в этой схеме проглядывают как черты земского самоуправления, так и финская система органов власти. Однако самые насущные вопросы обнаруживаются в конце протокола. Во-первых, это давно ставший для крестьян болезненным земельный вопрос. В протоколе говорится: «...необходимо, чтобы внутри области все земли с лесами и со всеми возможными природными богатствами и все озёрные и речные воды с порогами, как и прибрежные части морей, уступались бы без вознаграждения на вечные времена в народное владение в этой проектируемой административной

---

¹⁷⁴ В 1907 году население всех карельских волостей Беломорской Карелии составляло 25 084 человека. См.: Архангельская Карелия. С. 9.

¹⁷⁵ KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kir-jeenvaihto. Sidos 31.

области». Половина всей этой обобществлённой земли должна быть передана «в вечное потомственное владение» местному населению, четверть делится между волостями, и оставшаяся четверть остаётся во владении области. Анализируя суть этого проекта земельной реформы, Стейси Черчилль справедливо замечает: обобществление земель и лесов Карелии делало бы невозможным для финнов, буде Карелия была присоединена к Финляндии, завладение этой землёй, – а значит, объективно проект был направлен против «панфинской» идеи¹⁷⁶.

Отдельно выделялись проблемы, решения которых участники съезда ожидали от Временного правительства незамедлительно. Это – тот набор экономических и национальных требований, который уже прозвучал в 1905–1906 годах и был повторен в адресе к Временному правительству: введение обучения и церковных служб на местном языке (для чего, в частности, следовало создать соответствующие учебные заведения и школы с обучением на родном языке), сооружение дорог из Финляндии и от Мурманской ж/д линии в Российскую Карелию и улучшение судоходных путей, устранение таможенных пошлин между Финляндией и Россией, а также проведение почтового сообщения и телеграфных и телефонных линий в Беломорскую Карелию¹⁷⁷.

Таким образом, как видим, несмотря на подробно расписанный проект национально-территориальной автономии, наиболее насущными проблемами карелы по-прежнему считали нерешённые экономические вопросы, из-за которых, как они прекрасно сознавали, не осуществлялось развитие их региона и ухудшалось их благосостояние. Нет сомнения, что и проект автономной области, и стремление перейти к самоуправлению имели своей конечной целью облегчить возможность проведения реформ. В способность ослабевающей центральной власти хоть в чём-то улучшить сложившуюся тяжёлую ситуацию верилось всё меньше.

Необходимо напомнить, что аналогичные съезды с похожими решениями проходили в 1917 году почти во всех национальных регионах России. «Требования автономизации, – пишет исследователь аналогичных процессов в Молдавии, – становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра»¹⁷⁸. При этом, как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, именно этнос выступал в условиях нестабильности как аварийная группа поддержки, как группа обеспечения экономических и политических преимуществ. Принадлежность к группе соплеменников давало человеку чувство защищённости¹⁷⁹. Однако вплоть до большевистского переворота национальные регионы (за редким исключением) не ставили вопроса об отделении от России.

Поэтому не должно удивлять, что идея национальной автономии вызывала интерес в разных карельских регионах, – и не обязательно в русле предлагаемой Карельским просветительским обществом политики. Известно, например, что за месяц до Ухтинского съезда, 14 июня вопрос об автономии Карелии был вынесен на чрезвычайное заседание Олонецкого губернского земства и вызвал «большие прения», захватившие и следующий день. Настроения гласных были в целом единодушными: они выступали против раздела губернии по национальному признаку и считали карел неготовыми к самостоятельной государственности (гласный Кищенко пространно аргументировал это тем, что у Карелии нет «ни письменности, ни литературы, ни культуры, ни истории, ни государственных деятелей – карел»). После дальнейшего обмена мнениями пришли к заключению, что карелы не склонны к автономии, желают жить вместе с русскими и составлять с ними единое целое. Была принята следующая резолюция:

«1). Карелия должна быть тесно связана с Россией.

¹⁷⁶ Churchill S. Op. cit. S. 49.

¹⁷⁷ См. Приложение 1. Протокол, составленный на народном собрании в селе Ухтуа, Ухтинской волости, Кемского уезда, Архангельской губернии 13-го июля нов. ст. 1917 года.

¹⁷⁸ Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 220. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁹ Красовицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 68–69.

2). В культурно-просветительном отношении губернское земство должно широко идти навстречу карелам»¹⁸⁰.

Мы не можем судить, каков был процент карел в составе губернского земства, – но, судя по публикации, своей альтернативной позиции они не высказали. Поэтому интересно посмотреть, как шло обсуждение вопроса об автономии в карельских регионах. Сохранились воспоминания ребольского общественного деятеля и главы продовольственной комиссии в 1917 году, сторонника «панфинской» линии Пекки Кюёттинена, которые могут дать некоторое представление о дискуссиях, происходивших в 1917 году в Реболах. Не называя, к сожалению, конкретных дат, он сообщает, что вопрос карельской автономии неоднократно ставился на обсуждение на общих и земских собраниях и вызывал сильные споры. Речь, несомненно, идёт о весне, лете и осени 1917 года¹⁸¹.

Так, на втором из земских собраний, состоявшихся здесь после Февральской революции (первое было признано не соответствующим новым законам), обсуждался вопрос введения обучения финского языка в школьную программу. Для Ребол этот вопрос был актуален – как мы уже писали, волость была тесно связана с Финляндией экономически. Тем не менее состоялась бурная дискуссия, в ходе которой «русские и их компаньоны» противостояли этому предложению. Было, однако, принято решение во всех школах по часу в день преподавать финский. Кюёттинен прокомментировал: «Мы добились первой победы на национальном фронте».

Вопрос карельской автономии обсуждался в Реболах постоянно, и сформировалась группа её сторонников (помимо Кюёттинена, в неё входили ещё четыре активиста). Жёстко противостояли этому сторонники «прорусской» линии, в частности, местный священник, и одновременно с этим на политическую арену стали выдвигаться большевики, которые «начали потихоньку сеять бурю». Они заявляли, что идея карельской автономии – это капиталистическая «буржуазная» инициатива. Начали звучать голоса о том, что «моржей» – буржуев нужно убивать, они только и хотят, что отдать карельский народ в новое рабство. Только в союзе с большевиками мы добьёмся настоящей свободы, внушали их сторонники. «В конце концов, – замечает Кюёттинен, – обе эти группы нашли друг друга и слились вместе против нас, национально мыслящих карел». Хотя народ, по словам мемуариста, относился к «национально мыслящим карелам» с симпатией, коммунисты и священник (Кюёттинен называет его «черносотенным») действовали активно. Листовки и агитационная литература, сетует Кюёттинен, поступают бесперебойно, и многие слабые духом подпали под обаяние «свободы» и больших обещаний.

Постоянно и безнадежно ухудшавшаяся ситуация, понимание того, что в управлении Россией царит полный хаос, приводили ко всё более отчётливому стремлению обособиться от летящей в пропасть страны, найти свой, отдельный выход из тупика. В декабре 1917 года гласными в губернское и уездное земские собрания были избраны в Реболах Г. П. Григорьев и Ф. В. Нечаев. Им были даны наказы – при подходящем случае поднять вопрос о карельской автономии. Кюёттинен утверждает, что Повенецкое земство решило как можно энергичнее работать на осуществление этого плана¹⁸². Однако ситуация вновь изменилась – после большевистского переворота стало ясно, что стратегию и политическую линию нужно менять.

---

¹⁸⁰ Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16. С. 20.

¹⁸¹ Рукопись воспоминаний Кюёттинена хранится в Национальном архиве Финляндии: KA. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmat. Kot. 112.

¹⁸² Ibid.

Глава 4

Олонецкая Карелия под властью Советов

4.1. После Октябрьского переворота

Первые советы появились в промышленных центрах Олонецкой и Архангельской губерний ещё весной и летом 1917 года¹⁸³. После Октябрьского переворота процесс пошёл семимильными шагами, и к марту 1918 года советская власть широко распространилась в населённых карелами уездах Олонецкой губернии. Носителями революционных идей стали здесь, как правило, демобилизованные, возвращавшиеся с фронтов солдаты и младшие офицеры¹⁸⁴. Распускались губернские и земские учреждения, которые повсеместно заменялись комиссариатами и советами. Уездные земские управы прекратили свою деятельность к лету 1918 года¹⁸⁵. В деревнях Олонецкой губернии на общих собраниях провозглашалось создание советов. При этом, как справедливо подчёркивает Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти»¹⁸⁶. Эту же точку зрения разделяет Людмила Новикова, которая отмечает, что обычные жители и низовые политические лидеры часто вообще не видели различий между советами, земствами и другими формами самоуправления¹⁸⁷. Это объясняет ту лёгкость, с которой многие крестьянские общества заменяли земства советами, как это произошло, например, в Повенецком уезде и Толвуйской волости, где земские собрания были просто переименованы в уездные и волостные советы¹⁸⁸. В Беломорской Карелии эти процессы проходили медленнее в связи с очень плохой инфраструктурой и труднодоступностью деревень.

Поначалу советы даже приветствовались крестьянами, так как они обещали дать и дали землю. На третьем Олонецком губернском съезде советов, проходившем в конце января – начале февраля 1918 года, была принята резолюция по земельному вопросу, согласно которой вся земля объявлялась общенародным достоянием, и только крестьянам присваивалось право перераспределения земель¹⁸⁹. С весны 1918 года в уездах и волостях начался уравнительный передел земли.

Однако решительные первые преобразования большевиков, проводимая ими политика жёсткого разделения общества на классы взорвали ситуацию. Как показывают современные исследователи, именно аграрная политика Советского государства, «сводившаяся к принуждению и нередко насилию над деревней», стала причиной массового крестьянского повстанчества, охватившего всю страну¹⁹⁰.

---

¹⁸³ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 345–346.

¹⁸⁴ *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. С. 29.

¹⁸⁵ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 365–368.

¹⁸⁶ *Яров С. В.* Человек перед лицом власти. 1917-1920-е гг. М., 2014. С. 15.

¹⁸⁷ *Новикова Л. Г.* Указ. соч. С. 193, 194.

¹⁸⁸ *Баданов В. Г.* Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.): самоуправление, хозяйство и культура. Петрозаводск, 2017. С. 356.

¹⁸⁹ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 374.

¹⁹⁰ *Кондрашин В. В.* Крестьянство в России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 333. О массовом крестьянском движении периода гражданской войны см. например: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921. Иерусалим, 1987; *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне; *Алешикин П. Ф., Васильев Ю. А.* Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012; Крестьянский фронт 1918–1922: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский.

4.2. Политика продовольственной диктатуры в карельских районах Олонецкой губернии

Роль детонатора, приведшего к социальному взрыву в российской деревне, сыграла политика продовольственной диктатуры, начатая советским правительством весной 1918 года. Напомним кратко её основные истоки и причины. Первая мировая война подкосила сельское хозяйство России, поэтому с 1915 года в стране проводилась политика фиксированных цен на хлеб для правительственных закупок, в 1916-м во многих губерниях была введена карточная система, а с начала 1917 года власти прибегли к политике хлебной развёрстки¹⁹¹. Временное правительство законом от 25 марта 1917 года ввело хлебную монополию, и к осени 1917 года почти всю территорию Европейской России охватил продовольственный кризис. По справедливому замечанию В. В. Кондрашина, «голод превращался в реальный и всё более значимый фактор развития событий в стране в целом»¹⁹².

Следует отметить, что начиная с весны 1918 года все события в Карелии разворачивались на фоне угрозы наступления тотального голода. Летом 1917 года в России был плохой урожай, и, кроме того, земледельческие районы, кормившие ранее всю страну (Украина, Сибирь, юг России) были в руках противников советской власти¹⁹³. Председатель исполнительного комитета Олонецкого уездного совета М. Чубриев вспоминал, что уже с января 1918 года «продовольственный вопрос у нас с каждым днём всё больше ухудшался, с каждой волости слышались голоса, что надо принять какие-нибудь меры». В мае 1918 года «в Туломозерской волости на границе с Финляндией уже 2 ¹/₂ месяца питались овсяной мукой пополам с опилками и мхом»¹⁹⁴.

Перед большевиками встала неотложная задача спасения населения страны (прежде всего промышленных центров) от тотального голода. Кондрашин отмечает, что введение продовольственной диктатуры было единственным возможным средством выхода из сложившейся ситуации. Он пишет: «Товарный голод, низкий урожай 1917 г., потеря ряда крупнейших зерновых районов страны вследствие гражданской войны и Брестского мира делали невозможными все остальные варианты»¹⁹⁵. 9 мая 1918 года вышел Декрет, подтверждающий государственную хлебную монополию (объявленную Временным комитетом Государственной думы) и воспрещающий частную хлебную торговлю. 13 мая 1918 года появился Декрет ВЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Этим декретом были развязаны руки низовым советским органам, и логичным продолжением этой политики стало создание репрессивных органов, получивших карт-бланш на действия в деревне: комитетов бедноты и продотрядов.

Ключевым инструментом аграрной политики советской власти стали комбеды. 11 июня 1918 года ВЦИК принял «Декрет об организации и снабжении деревенской бедноты». Согласно декрету, местные советы учреждали волостные и сельские комитеты бедноты. Избирать и быть избранными в комитеты бедноты могли деревенские жители, «за исключением заведомых кулаков и богатеев». В задачи комбедов входило: учёт и распределение хлеба,

---

¹⁹¹ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / под ред. С. И. Потолова. Л., 1985. С. 162–180, 206–209, 254–264.

¹⁹² Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 90–91.

¹⁹³ Там же. С. 88–89.

¹⁹⁴ Речь М. Чубриева на IV (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии // Отчёт о IV (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии (с 25 июня по 4 июля 1918 г.). Петрозаводск, 1918. С. 17–18.

¹⁹⁵ Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 91–92.

предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, оказание содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков у зажиточных крестьян, снабжение продовольствием городов и Красной армии¹⁹⁶. Проведение этого декрета в жизнь было сопряжено со значительными трудностями, и первоочередной задачей советского руководства явилось утверждение его на местах. В Карелии декрет обсуждался на IV (чрезвычайном) Съезде советов Олонецкой губернии, который проходил в Петрозаводске с 25 июня по 4 июля. Олонецкие советы были представлены 189 депутатами, из которых 62 были большевиками, 47 – левыми эсерами, а 80 – беспартийными¹⁹⁷. Несмотря на количественный перевес, большевики не сумели утвердить декрет советской власти, а принятая резолюция отвергала создание комбедов и продотрядов¹⁹⁸. Левые эсеры мотивировали свою позицию тем, что организация продотрядов и введение продовольственной диктатуры вызовет гражданскую войну между городом и деревней¹⁹⁹.

Не прошло и двух дней с момента закрытия съезда, как события в Москве поставили левых эсеров в крайне невыгодное положение. 6 июля 1918 года в Москве и ряде других городов России произошёл левозсеровский мятеж, направленный главным образом против Брестского мира. Мятеж был быстро подавлен, и судьба левых эсеров в местных органах власти была предрешена. В Петрозаводске в ночь с 10 на 11 июля красноармейцы разоружили левых эсеров, вынеся из их штаба по улице Екатерининской пулемёты, винтовки и патроны²⁰⁰. А 16 июля в Петрозаводск поступила телеграмма от Наркома внутренних дел Г. И. Петровского, гласившая: «Немедленно устранить всех левых эсеров со всех руководящих постов, отделов управления и комиссии по борьбе с контрреволюцией как губернских, так и уездных советов, заменив их коммунистами»²⁰¹.

Политическая оппозиция советской власти в Карелии оказалась разгромленной. Часть левых эсеров вступила в РКП(б), места остальных заняли коммунисты. Большевики получили руководящие посты как в центральных, так и в местных органах управления, что позволило им проводить в жизнь постановления советской власти. По данным М. И. Шумилова, на 1 апреля 1918 года из 2000 волостных советов большевики и сочувствующие им составляли 26 %, но уже в августе их представительство выросло до 61 %²⁰². Такая же тенденция наблюдалась и на выборах в Городской совет Петрозаводска. В апреле большевики получили 27 мест из 63, а на перевыборах в совет в конце года – 123 из 145²⁰³. И это при том, что после Февральской революции большевиков насчитывались единицы²⁰⁴.

Несмотря на устранение основного политического оппонента – левых эсеров – организация комбедов проходила с трудом. Сказывалось отсутствие финансирования и инструкций, о чем свидетельствовали жалобы и просьбы сельских жителей²⁰⁵. Зачастую комбеды оказывались неэффективными по той простой причине, что в их состав входили зажиточные крестьяне, тормозившие решения центральных властей по сбору и учёту хлеба. Такая ситуация сложилась в Ялгубе, жители которой неоднократно обращались к центральным властям с просьбой

¹⁹⁶ Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: сб. документов и материалов. С. 407.

¹⁹⁷ *Машезерский В. И.* Установление советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск, 1957. С. 162.

¹⁹⁸ Там же. С. 164.

¹⁹⁹ *Саутин Н.* Великий Октябрь в деревне на северо-западе России (октябрь 1917–1918 гг.). Л., 1959. С. 138.

²⁰⁰ Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С. 266.

²⁰¹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 4/20. Л. 78.

²⁰² История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 394.

²⁰³ *Паиков А. М., Фильмончик С. Н.* Петрозаводск. СПб., 2001. С. 76.

²⁰⁴ *Шумилов М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России (историографический очерк). Петрозаводск, 1992. С. 58.

²⁰⁵ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/41. Л. 42, 140; НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

разобраться²⁰⁶. В конечном итоге ялгубский комбед как «состоящий из кулаков» был реорганизован решением сверху²⁰⁷.

В сводке о деятельности волостных советов и волостных отделов внутренних дел за период с 1 августа по 15 сентября говорится об отдельных случаях вооружённого сопротивления властям. В одной из волостей была открыта стрельба по отряду Красной Армии, проводившему реквизицию хлеба²⁰⁸. Зачастую комбеды действовали по своему усмотрению, налагая контрибуции и вводя чрезвычайные налоги на зажиточных односельчан. За укрывательство зерна также накладывались штрафы²⁰⁹. Подобные денежные поступления были необходимы комбедам, поскольку финансирования со стороны центра не хватало.

Документы свидетельствуют о том, что в карельской деревне резко обострилось противостояние между более и менее зажиточными крестьянами. В Национальном архиве Финляндии хранятся воспоминания покидавших свои сёла крестьян, которые не могли вынести политики продовольственной диктатуры. Например, олонецкий крестьянин А. Алексеев, бежавший впоследствии в Финляндию, так писал о ситуации 1918 года: «[...] начался 1918 год. [...] была наша судьба безнадежна, потому как не было права сказать своё мнение, все вопросы [большевики] решали как сами считали нужным, никто не осмеливался ни слова сказать против [...] Это был ужасный момент, который на протяжении многих поколений будет помниться, – как сладко мстили за каждые прежние обиды и за многие десятилетиями копившиеся дела, и насколько плохими были отношения между соседями, и ежедневно принимались новые и новые решения, и непонятно было, переживёшь ли этот день...»²¹⁰

В интервью карельского беженца из д. Пяльзеро А. Ольшина (Ольшайнена) читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] противились большевикам. [Нас] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. [...] Предстояло собрание – деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой...»²¹¹ Повествование Ольшина завершается рассказом о драке части деревенских с большевиками на собрании, о побеге нескольких человек в лес, а потом – в Финляндию. Путь Ольшина весьма показателен: поставленные в невыносимые условия более или менее зажиточные карельские крестьяне всё чаще стали обращаться в поисках помощи к Финляндии. В архиве Министерства иностранных дел Финляндии хранятся десятки обращений от жителей карельских деревень с просьбами о помощи.

Так, на собрании представителей Рыпушкальской и Неккульской волостей Олонецкого уезда, состоявшемся 23 июня 1918 года, на котором присутствовало 273 делегата от разных деревень, обсуждались многочисленные «бесчинства, учинённые и учиняемые представителями советской власти». Собрание единодушно постановило: «В виду того, что нынешнее Советское правительство не только не желает водворить в крае законный порядок, а на оборот само своим примером поощряет злоупотреблениям, устраивая грабежи при помощи содержащей им же Красной армии и арестования невинных граждан, а также и того, что давно желаемое мирное течение сельской жизни очевидно при нынешних условиях недостижимо, народное собрание единогласно постановило: обратиться с почтительнейшим прошением к Финляндскому Сенату об освобождении нас от ига советской власти и присоединении Олонецкого края к Финляндскому Королевству»²¹².

²⁰⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 69, 107; НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 93, 297.

²⁰⁷ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 199.

²⁰⁸ НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 40.

²⁰⁹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 259; Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 35; *Богданова Г. Н.* Организация и деятельность комитетов бедноты в Карелии // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1959. С. 26.

²¹⁰ КА. Heimosota-asiakirjat. P-Aunus 48. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

²¹¹ Ibid. Перевод М. Витухновской-Кауппала.

²¹² Архив министерства иностранных дел Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto – UMA). 11. AI. 1. Протокол общего

2 июня 1918 года в финском городе Суоярви прошло собрание представителей олонцев деревень в Финляндии, а точнее – карельских беженцев. Крестьяне жаловались на тяжёлое экономическое положение, высокие налоги, изъятие церковной литературы из школ и просили помощи у Финляндии²¹³. Они не доверяли англичанам, предполагая, что те присвоят природные ресурсы Карелии²¹⁴. Согласие финнов оказать помощь во многом определялось заявлением крестьян о небольшом представительстве красных в деревнях (около 10 %) ²¹⁵. На собрании было также принято решение о тайном создании в городе Олонце белой гвардии, которую обещали снабдить оружием финны²¹⁶.

Свои петиции и делегации в Финляндию направляли не только крестьяне. В июле 1918 года в Суоярви прибыли представители русских офицеров из Петрозаводска, которые также просили помощи у финнов. По словам делегатов, большинство офицеров выступит против большевиков, если получит поддержку из Финляндии. Принимавший офицеров представитель движения активистов и уполномоченный Генерального штаба в Сортавала Ю. Луккаринен известил об этом регента²¹⁷ Пера Свинхувуда, однако реакции не последовало²¹⁸.

События на юге Олонецкой губернии в июне-июле 1918 года современный финский историк Йоуко Вахтола определяет как «народное восстание» и совершенно справедливо отмечает, что Финляндия выбрала неправильное направление своей военной экспансии: отряды добровольцев в этот период следовало бы вывести из Беломорской Карелии (о походе финских добровольческих отрядов в Беломорскую Карелию пойдёт речь в следующей главе) и направить в Олонецкую. Тогда финны имели бы большие шансы на успех²¹⁹. Попытки Финляндии пробудить национальное движение в Беломорской Карелии были тщетными, в то время как из Олонца следовали «крики о помощи», которыми Финляндия не воспользовалась²²⁰.

народного собрания крестьян Рыпушкальной и Неккульской волостей Олонецкой губернии. [Б. д.]. Орфография оригинала сохранена. – *Примеч. авт.*

²¹³ УМА. 11. А1. 1. Suojärven kokouksen ptk. 02.06.1918.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ После окончания гражданской войны в мае 1918 года в Финляндии была установлена монархия. Впрочем, Фридрих Карл Гессенский так и не прибыл в Финляндию, и его обязанности с мая по декабрь 1918 года выполнял П. Э. Свинхувуд.

²¹⁸ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 297.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid.

4.3. Крестьянские восстания в Олонецкой Карелии

Политика продовольственной диктатуры и начавшиеся уже весной – летом 1918 года мобилизации в Красную армию стали причиной десятков крестьянских восстаний и выступлений по всей стране. Известный специалист по так называемому «зелёному движению» в период гражданской войны А. В. Посадский отмечает: «Деревня реагировала тем ожесточённее, чем более активно вторгался в её жизнь город. Хлебная монополия, а с лета 1918 г. уже и выборочные мобилизации положили начало крестьянскому сопротивлению. Первый массовый призыв в РККА осенью 1918 г. поднял масштабные крестьянские восстания, охватившие многие десятки уездов центральных губерний страны»²²¹. Карельские регионы отнюдь не стали исключением.

На 26 февраля 1919 года в Красную армию было призвано 8029 человек по Олонецкой губернии²²². В то же время зимой 1918–1919 годов в Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальной и Сямозерской волостях произошел ряд крестьянских выступлений на почве мобилизаций. Восстание недовольных действиями советской власти в декабре 1918 года в Ведлозерской волости возглавили К. Трифонов, И. и М. Устиновы²²³. Для его подавления из Олонца был послан вооружённый отряд во главе с Ф. Федуловым. В связи с восстанием Олонецкий уезд был переведен на осадное, а затем и на военное положение²²⁴. По свидетельству командира Олонецкого батальона А. А. Троицкого, руководившего подавлением восстания, повстанцы «рассчитывали на поддержку Финляндии, но поторопились: тогда ещё финны не были готовы к наступлению на этот район»²²⁵.

Не дождавшись помощи из Финляндии, повстанцы были разгромлены²²⁶. ЧК арестовала более 20 крестьян – активных участников восстания, из которых 8 человек были расстреляны, а скрывшиеся объявлены вне закона²²⁷.

По сообщению Поросозерского волсовета в Повенецкий уездисполком 2 декабря 1918 года 10 человек, среди которых были и должностные лица – председатель Поросозерского волостного отдела народного образования М. Потапов, председатель земельного комитета, его помощник и другие, – ограбили склад комиссариата, взяли оружие и отправились в Финляндию²²⁸. Попытка выступления против мобилизации была предпринята и в деревне Тукса Рыпушкальной волости Олонецкого уезда²²⁹.

Протоколы Олонецкой уездной ЧК пестрят сообщениями о различных формах протестов против комбедов в ноябре-декабре 1918 года: так, крестьянин д. Утозеро Коткозерской волости Пётр Артемьев высказывал угрозы в адрес местного комитета деревенской бедноты, жители д. Нурмелицы Рыпушкальной волости Миронов и Карпин оскорбляли комиссара Мацнева, гражданин Тулосозера Коткозерской волости Иван Степанов угрожал комбеду и комиссару Чрезвычайкома Савельеву, а крестьянин д. Новинки Рыпушкальной волости Пётр

²²¹ Посадский А. В. Указ. соч. С. 33.

²²² Шумилов М. И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение советской власти (1917–1918). Петрозаводск, 1957. С. 118.

²²³ НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 15/175. Л. 1.

²²⁴ Филимончик С. Н. Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Олонец: историко-краеведческие очерки в 2 ч. / отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 17.

²²⁵ Дубровская Е. Ю. Олонецкий уезд в годы «военного коммунизма» (1918–1920) // Олонцу – 350: тез. науч. – практ. конф. Олонец, 1999. С. 80.

²²⁶ НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 71, 131.

²²⁷ Филимончик С. Н. Олонец в годы революции и гражданской войны. С. 17.

²²⁸ НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 58.

²²⁹ Дубровская Е. Ю. Олонецкий уезд в годы «военного коммунизма» (1918–1920). С. 81.

Симанов выступал против советской власти, высмеивал советские учреждения и оскорблял красноармейцев²³⁰.

В архиве УФСБ Карелии хранятся материалы об Олонецком восстании, вспыхнувшем в городе Олонце и волостях Олонецкого уезда 10–12 июня 1918 года²³¹. Толчком к восстанию стало введение единовременного налога. В Олонце в июне 1918 года левыми эсерами был созван съезд зажиточных крестьян, по пять человек от каждой волости, для раскладки налога. Собрались в зале, где обычно проводились театральные представления. Возбуждённые участники съезда обсуждали непосильные налоги и нехватку зерна (после изъятия хлеба оставалось лишь на один месяц), а также слухи об увеличении количества красноармейцев в уезде, – по мнению крестьян, красноармейцы потребляли и без того опасно малые запасы зерна. Разгорячённые дискуссией участники собрания обнаружили спрятавшихся за занавесом и выпивавших красноармейцев, начался скандал, раздались выстрелы, и участники собрания разъярились. Собрание быстро переросло в мятеж: крестьяне захватили склад с оружием, разоружили красноармейские отряды и арестовали членов уездного совета. Было создано организационное бюро, которое выдвинуло требования отмены налога и введения свободы торговли. Выступление было подавлено красноармейским отрядом под командованием И. В. Матвеева²³². Нельзя не отметить, что столкновения с красноармейцами по тому или иному поводу были одной из наиболее типичных причин крестьянских восстаний на всей территории России²³³.

В Национальном архиве Финляндии хранятся воспоминания участника Тивдийского восстания, причиной которого была принудительная мобилизация в Красную армию²³⁴. Восстание в Тивдии в мае 1919 года совпало по времени с крупным крестьянским восстанием в русском Заонежье, причиной которого тоже послужила мобилизация мужчин ряда возрастов на Восточный фронт в апреле-мае 1919 года. Интересно, что восставшие жители Тивдии обратились за помощью к белой Северной армии²³⁵, отношения с которой, как и с Временным правительством Северной области, у беломорских карел были глубоко неприязненными (см. об этом далее). Это ещё раз подтверждает тот факт, что крестьяне готовы были прибегать к помощи самых различных военных и политических сил, в зависимости от конкретной стратегической ситуации.

Крестьянские волнения на почве мобилизаций в Красную армию зимой 1918–1919 годов в Карелии могут быть отнесены к так называемым «ноябрьско-декабрьским» восстаниям, которые явились первым массовым протестом крестьян против политики военного коммунизма. Кроме того, выступления в Поросозерской и Ведлозерской волостях хоть и оказались разрозненными и не связанными между собой, выявили одну тенденцию. Крестьянство, недовольное политикой советской власти, начинало обращать свои взоры на Финляндию. Если часть крестьян Беломорской Карелии по своим этническим и культурным признакам изначально тяготела к Финляндии, то для южных районов, где процент русского населения был достаточно высок, это, как правило, было не характерно. Возможно, примером для крестьян послужили действия жителей Ребольской волости, которые приняли решение присоединиться к Финляндии.

²³⁰ НА РК. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 3, 12, 20.

²³¹ Архив управления федеральной службы безопасности по Республике Карелия (Архив УФСБ по РК). Ф. 6. Д. 13. О событиях Олонецкого восстания рассказывается также в воспоминаниях сына одного из инициаторов восстания, Пекки Парнанена: КА. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 12.

²³² *Машезерский В. И.* Установление советской власти в Карелии (1917–1918). С. 155.

²³³ См. об этом, например: *Яров С. В.* Крестьянин как политик. С. 31–34; *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 113–163.

²³⁴ КА. Karjalan sivistysseuran arkisto. Hj:4. Kot. 112.

²³⁵ Северная армия, сформировавшаяся в августе 1918 года, была одной из частей белого антибольшевистского движения в России в период гражданской войны. Была разгромлена Красной армией в декабре 1919 года.

4.4. Присоединение Ребольской волости к Финляндии

В конце июля 1918 года Олонгубсовдеп получил телеграмму от Ребольского совдепа о приезде некоего Сариоса, начальника финляндской пограничной стражи, с предложением обсудить продовольственный вопрос, а также устройство народного дома в Реболах и политическое положение Карелии и Финляндии. Местные власти приняли решение отказать в этих переговорах²³⁶. В действительности речь шла о прапорщике финской армии Вальде (Владимире) Сарио, бывшем в то время комендантом города Йоенсуу и командиром 3-го пограничного батальона. В годы Первой мировой войны Сарио занимался вербовкой и отправкой молодых людей в ряды егерей, а в 1918 году его деятельность была тесно связана с Российской Карелией.

Начиная с конца зимы 1918 года Сарио стал живо интересоваться возможностью присоединения Ребольской волости к Финляндии²³⁷. Получив в этом вопросе поддержку лидеров Карельского просветительского общества А. Митрофанова и Т. Маннера, Восточно-Карельского комитета, регента Пера Эвида Свинхувуда и части Сената, Сарио совершил несколько поездок по волостям Повенецкого уезда с разведывательной миссией. По его наблюдениям, проблема присоединения Ребол к Финляндии упиралась в хлебный вопрос. А сами карелы выжидали, кто же предложит им лучшие условия – Англия, Россия или Финляндия. Соответственно, мнения крестьян разошлись: в Поросозерской волости были сильны позиции большевиков, население Мяндусельги было готово присоединиться к Финляндии, в Ругозере господствовали проанглийские настроения, а симпатии жителей Повенца оказались на стороне и Финляндии и России²³⁸.

Возможно, Сарио в своих рапортах давал слишком обобщённые характеристики позиций населения различных волостей – несомненно, в каждой волости картина была более пёстрой. И нельзя не согласиться с тем, что существовал значительный разброс мнений жителей Повенецкого уезда по вопросу о том, какой проект будущего для Карелии они бы предпочли.

Несмотря на противодействие властей, во многом по инициативе Сарио 2–3 августа 1918 года было созвано собрание жителей Ребольской волости, на котором были выработаны условия присоединения Ребол к Финляндии. Согласно решению собрания, Ребольская волость переходила под юрисдикцию Финляндии, но в экономическом отношении оставалась свободной. Земельный вопрос, по данным, приводимым в работах Мауно Яаскеляйнена и Йоуко Вахтолы, должен был решаться следующим образом: крестьяне получают пахотные земли и 40 % лесов; 40 % леса переходит в общее пользование и 20 % – финляндскому государству²³⁹. Эти данные, однако, подверг сомнению Томи Расимус. По его мнению, передел был осуществлен по-иному: 40 % леса получают крестьяне; 25 % шло в общее пользование и 35 % – Финляндии²⁴⁰. В архиве МИДа Финляндии сохранился документ, позволяющий считать данные Томи Расимуса более достоверными. 6 августа было проведено ещё одно собрание, закреплявшее пахотные земли за крестьянами и подтверждающее передел леса в отношении 40-20-40²⁴¹.

В остальном по вопросу об условиях присоединения волости к Финляндии мнения исследователей сходятся. Финны брали на себя обязательство построить железную дорогу Лиекса – Реболы – мурманский путь, местные жители освобождались от воинской повинности на 30 лет,

²³⁶ НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 2.

²³⁷ *Vahtola J.* «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 298.

²³⁸ *Ibid.* S. 300.

²³⁹ *Ibid.* S. 301; *Jääskeläinen M.* *Op. cit.* S. 173.

²⁴⁰ *Rasimus T.* *Repola Suomen yhteydessä v. 1918–1921 // Aunuksen Repola / toim. H. Tarma.* S. 181.

²⁴¹ UMA. 11. A4. 1. Repolan talonpoikaisneuvoston kokoonkutsumalle viralliselle piirikokoukselle. 06.08.1918.

обучение должно было вестись на родном языке, также планировалось построить в Реболах среднюю школу²⁴². Правительство Финляндии должно было также выделить волости пять тонн семенного зерна, столько же муки и достаточную ссуду²⁴³.

По решению собрания жителей была составлена делегация, в которую входили П. Кюёттинен (глава), Ф. В. Нетсаянен (Нечаев), Ф. И. Романайнен, Пааво и Пекка Хёттёнены и Я. Нестеринен. 10 августа делегация была принята Свинхувудом и правительством Финляндии, которые одобрили предложенные условия присоединения волости²⁴⁴. Окончательное решение о переходе волости под юрисдикцию Финляндии было принято на собрании, проходившем 31 августа в Реболах, в котором приняли участие 182 человека, представлявших 22 деревни²⁴⁵. Получив, таким образом, официальное признание своей власти, Финляндия поспешила направить в волость добровольческий отряд из 48 человек под командованием Сариио. Вскоре отряд был заменён регулярными частями, а Сариио занялся формированием в Реболах шюцкора и гражданскими вопросами²⁴⁶.

Как справедливо отмечает Йоуко Вахтола, решение жителей волости о присоединении к Финляндии было не столько инициировано ими самими, сколько навязано финнами²⁴⁷. Важнейшей причиной, толкавшей жителей на этот шаг, являлась угроза голода, поскольку уездный центр – Повенец – не выделял волости хлеба. Как мы уже отмечали, ещё до революции Реболы имели тесные экономические связи с Финляндией. Свою роль, конечно, сыграли и агитация Карельского просветительского общества, и непопулярные меры советской власти в области аграрной политики. Географическое положение волости из-за отсутствия надёжных транспортных коммуникаций с российскими центрами предполагало ориентацию на Финляндию. Пролегавший через территорию волости старинный Каянский тракт (Петрозаводск – Святнаволок – Каяаани) в летнее время на большей части своего протяжения был доступен только для верховой езды. Ситуация изменилась в связи с постройкой в Финляндии железной дороги – сначала в 1894 году до Йоенсуу, а потом – в 1910 году – до финской Лиексы, находившейся в 40 верстах от русской границы²⁴⁸. Таким образом, снабжение волости хлебом шло через Финляндию²⁴⁹.

Выгода этого присоединения была очевидна для обеих сторон. Жители Ребольской волости, численность которых достигала 2400 человек, получили до конца 1918 года несколько партий ржаной муки по 3, 5 и 10 тыс. кг, а также ряд денежных займов²⁵⁰.

Что касается Финляндии, то она этим территориальным расширением выиграла сразу в нескольких отношениях. Во-первых, был создан политический прецедент, по которому карельский народ (хотя бы в лице жителей одной волости) реализовал провозглашённое большевиками право на самоопределение²⁵¹. Во-вторых, пример ребольских крестьян являлся важнейшим социально-психологическим фактором для жителей соседних волостей, которые видели, что Финляндия на деле заботится о карелах. Факт снабжения волости хлебом был лучшей агитацией за присоединение к Финляндии. В-третьих, финны сумели создать плацдарм для буду-

²⁴² Ibid.; Jääskeläinen M. Op. cit. S. 173; Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 301; Rasimus T. Op. cit. S. 181.

²⁴³ Rasimus T. Op. cit. S. 181.

²⁴⁴ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 302.

²⁴⁵ УМА. 11. А4. 1. Протокол заседания жителей Ребольской волости. 31.08.1918.

²⁴⁶ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 405, 409.

²⁴⁷ Ibid. S. 398.

²⁴⁸ Жуков Ю. А., Кораблёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. С. 12.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Rasimus T. Op. cit. S. 191, 187, 188.

²⁵¹ Напомним, что 2 (15) ноября была принята Декларация прав народов России, в которой в качестве одного из принципов национальной политики было обозначено право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

шего наступления в глубь Восточной Карелии, и, таким образом, Реболы оказались ценным приобретением в военно-стратегическом отношении. Наконец, Финляндия выиграла и в экономическом аспекте, получив в своё распоряжение 40 % лесов волости.

Присоединение волости к Финляндии произошло при почти полном бездействии советской власти. Основные силы красных были сосредоточены на мурманском направлении, поскольку главной задачей было не допустить продвижения англо-французских интервентов на юг²⁵². В Карелии линия фронта стабилизировалась по р. Онде и оставалась неизменной до февраля 1919 года. Руководство губернии было бессильно предпринять какие-либо действия по защите волости по причине её удалённости, отсутствия нормальных дорог и нехватки людей. В марте 1918 года пограничной охраны в Карелии не было как таковой²⁵³.

Несмотря на то, что 30 марта было создано Главное управление пограничной охраны, а 28 мая издан декрет об учреждении пограничной охраны, карельский участок российско-финляндской границы фактически оставался открытым²⁵⁴. Старого корпуса пограничной охраны уже не было, а новые пограничные части находились в стадии становления²⁵⁵. На совещании начальников районов 1-го округа пограничной охраны и Олонецкого, Финляндского и Чудского районов 11 ноября 1918 года отмечалась острая нужда в людском и конском составе, особенно применительно к Олонецкому району. В такой ситуации установление связи с заставами было невозможно²⁵⁶. А. Н. Рупасов и А. Н. Чистиков подчёркивают, что пограничники могли контролировать только официальные пропускные пункты, расположенные главным образом на железных дорогах, и российско-финляндская граница была достаточно прозрачной²⁵⁷. Таким образом, финны беспрепятственно совершали агитационные поездки, подвозили хлеб и, как в случае с Сарио, переходили границу с оружием.

Олонецкий губисполком, будучи осведомлённым о связях Ребольской волости с финнами, пытался прервать эти сношения, предложив Штабу пограничной охраны выставить в волости заставу. Однако начальник Олонецкого района пограничной охраны ответил отказом, мотивировав его нехваткой людей²⁵⁸. Всё сказанное помогает понять, почему не было оказано никакого реального сопротивления вхождению Ребол в состав финляндского государства.

Примеру Ребольской волости пытались последовать и некоторые жители волости Поросозерской, также расположенной у границы с Финляндией и связанной с ней экономически. 5 декабря 1918 года шесть жителей Поросозера сформулировали условия присоединения волости к Финляндии, повторявшие условия Ребол²⁵⁹. Они также адресовали своим односельчанам обращение с призывом защищать границы волости в случае наступления красных²⁶⁰. Очевидно, в Финляндии знали о происходивших в волости событиях, и в начале января 1919 года финскими добровольцами была совершена попытка захватить Поросозеро. 7 января отряд олонекских карел и финских добровольцев вступил в Поросозеро²⁶¹. В этот же день было проведено собрание жителей деревни, на котором крестьяне высказались за присоединение к Финляндии

²⁵² Подробно о появлении воинских подразделений Антанты на Мурмане см.: глава 5, раздел 5.4. Интервенция союзников на Севере России.

²⁵³ *Машезерский В. И.* Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918–1920 гг. С. 7.

²⁵⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. С. 152, 467.

²⁵⁵ *Чистиков А. Н.* Трудная дорога к Тарту: российско-финляндская граница в 1918–1920 гг. // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв.: мат. междунар. науч. – практ. конф. / ред. Н. А. Кораблёв, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2003. С. 43.

²⁵⁶ *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. СПб., 2016. С. 46.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ НА РК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 36, 101.

²⁵⁹ УМА. 11. А1. 1. Решение жителей Поросозерской волости. 05.12.1918.

²⁶⁰ УМА. 11. А1. 1. Обращение жителей Поросозерской волости. 06.12.1918.

²⁶¹ *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 196.

и отмечали необходимость защиты от большевиков и снабжения продовольствием²⁶². Решение собрания не было выполнено, и экспедиция провалилась в том же месяце из-за сведений о приближении отряда большевиков²⁶³.

В отличие от Ребольской волости, решение о присоединении которой было поддержано на высшем уровне, а в волость были посланы регулярные части финской армии, попытка захватить Поросозеро носила авантюрный характер. В Генеральном штабе Финляндии отрицательно относились к захвату волости. В частности, ещё в декабре Генеральный штаб отправил военному министру докладную записку, в которой подвергал сомнению целесообразность этого территориального приобретения: «Присоединение Поросозера не даёт никаких тактических выгод Финляндии. Прежде чем заняться обороной Поросозера, необходимо официальное решение»²⁶⁴.

Попытка присоединения к Финляндии была предпринята и жителями Сямозерской волости. Под руководством выходца из Эссойлы (Сямозерская волость) П. Палосаари (И. Мартынова) на территории Финляндии в местечке Хаутаваара в декабре 1918 года состоялось собрание представителей Сямозерской волости и Финляндии. Решения, принятые на собрании, можно считать вполне типичными для подобного рода крестьянских сходок: здесь были просьбы о помощи и о защите от большевиков, и заявление о желании объединиться с Финляндией²⁶⁵. Однако сам документ вызывает определенные сомнения. При том, что в нём звучит просьба, выраженная как бы от лица «всего карельского народа»²⁶⁶, в документе отсутствуют сведения хотя бы о количестве человек, принимавших участие в собрании и характере представительства от деревень волости²⁶⁷. Решение этого собрания, как и собрания Поросозерской волости, не привели к вхождению этих территорий в состав Финляндии.

---

²⁶² UMA. 11. A1. 1. Постановление жителей Поросозерской волости. 07.01.1919.

²⁶³ *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 196.

²⁶⁴ UMA. 11. A4. 2. Pääesikunta Sotaministeriölle. 22.12.1918.

²⁶⁵ KA. Pekka Palosaaren kokoelma. Kansio 1:5. Säämäjärven edustajien kokouksen ptk. 31.12.1918.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Ibid.

Глава 5

Беломорская Карелия в новых исторических реалиях Финский добровольческий поход, интервенция союзников и создание Карельского полка

Большевистский переворот дал толчок нараставшим по всей стране центробежным тенденциям, начало которым было положено ещё в феврале-марте 1917 года. Эти тенденции получили мощный стимул – 2 (15) ноября большевиками была принята Декларация прав народов России, в которой в качестве одного из принципов национальной политики было обозначено право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Уже к февралю 1918 года независимость провозгласили Финляндия, Эстония, Литва, Украина и Молдавская республика (Бессарабия)²⁶⁸. В стране нарастал хаос, и регионы всё энергичнее стремились к суверенизации. Населённые карелами районы отнюдь не стали исключением. В некоторых волостях настроения начали склоняться к идее полной независимости карельского региона или присоединения его к Финляндии, – иного спасения, по мнению многих, не было.

Если до ноября 1917 года Карельское просветительское общество поддерживало идею карельской автономии, то уже в конце декабря Ииво Хяркёнен опубликовал статью «Свобода Карелии», из которой явствует, что парадигма поменялась: речь теперь должна была вестись о карельской независимости²⁶⁹. С этими новыми настроениями 17 января 1918 года Обществом было созвано в Ухте собрание, принявшее решение о поддержке полного самоопределения беломорских и олонечских карел и вепсов. Финскому парламенту был направлен адрес, содержащий решения собрания.

Присутствовавший здесь заместитель председателя Карельского просветительского общества Тимо Маннер писал 23 января 1918 года: «Решения следующие: решили со всей энергией продвигать присоединение к Финляндии. В Олонце и Реболах в особенности стоят за присоединение»²⁷⁰.

Десять дней спустя, 27 января 1918 года, в аккурат в день начала финской гражданской войны, в Ухте состоялся народный съезд, принявший решение «об отделении карельско-вепсской Восточной Карелии от России, – вместе с Кольским полуостровом, с древних лет принадлежавшим карелам». На съезде шли бурные дебаты. Главным образом участники высказывались за создание независимой Карельской республики. Как подчёркивает историк Раймо Ранта, под влиянием большевистской революции мнения ряда участников, прежде всего членов Карельского просветительского общества, склонились к идее присоединения Карелии к Финляндии. В его пользу высказались Пааво Ахава, Ииво Каукониemi и Алексей Митро²⁷¹.

На этом историческом этапе только что обретшая независимость Финляндия представлялась многим единственно возможной защитой от нараставшего хаоса. Общественные настроения в нескольких регионах Карелии склонялись к обособлению от России, а часто и к присоединению к Финляндии. Этот вопрос поднимался даже на I съезде советов Повенецкого уезда в феврале 1918 года, провозгласившем установление советской власти на территории уезда. Представители карельских волостей выдвинули на этом съезде предложение о необходимости

---

²⁶⁸ *Kanneler A.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 270.

²⁶⁹ *Ranta R.* Op. cit. S. 123.

²⁷⁰ *Ibid.*

²⁷¹ *Ibid.* S. 124.

административного объединения карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний, а некоторые делегаты выступили с предложением отделения Карелии от России и присоединения к Финляндии²⁷². И хотя их предложение было отвергнуто, сам факт такой попытки следует считать весьма симптоматичным.

В то время, когда находящееся в состоянии растерянности и страха перед будущим население Российской Карелии искало точку опоры в водовороте событий, в только что получившей независимость Финляндии разворачивалась своя драма – здесь началась гражданская война. Это событие финской истории оказалось тесно связанным с процессами, проходившими в Российской Карелии, поэтому в следующем разделе мы познакомим читателя с причинами и ходом этой кампании.

---

²⁷² *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. С. 33–35.

5.1. Гражданская война в Финляндии и карельский вопрос

К концу 1917 года финское население было расколото: с одной стороны, на политической арене активно действовала социал-демократическая партия, выражавшая интересы рабочего движения, но не всегда с ним совпадавшая, с другой – буржуазные политические движения. Союзником социал-демократов была сельская беднота. К началу 1918 года у левых уже были свои вооружённые силы – отряды Красной гвардии, которые чаще всего были радикальнее социал-демократических политиков. Правые начинали создавать отряды самообороны – шюцкоры. Противостояние усугублялось тем, что в парламенте резко поменялся политический расклад: до июля 1917 года более года парламентским большинством были социал-демократы, но после разгона парламента (сейма) Временным правительством (манифест об этом был подписан 31 июля 1917 года) большинство мест в его новом составе в октябре 1917 года получил блок несоциалистических партий – старофинская (партия согласия), младофинская (конституционная), аграрный союз и шведская партия. Соответственно эти же партии получили ключевые позиции в правительстве (сенате).

После февральской революции национальная эмансипация Финляндии быстро углублялась. К октябрю 1917 года Великое княжество уже добилось почти всех тех особых прав, за которые оно так упорно сражалось после падения монархии²⁷³. Оставалось лишь отрезать пуповину, соединявшую Финляндию с империей, и это произошло 6 декабря 1917 года, когда финский парламент принял резолюцию о независимости. 31 декабря Декрет о признании независимости Финляндии был утверждён на заседании Совнаркома и подписан Лениным, а 4 января ВЦИК ратифицировал постановление Совнаркома. Вслед за этим независимость Финляндии незамедлительно признали ещё семь стран, в их числе Швеция, Германия и Франция.

После обретения Финляндией независимости, в начале 1918 года социально-политический конфликт в стране продолжал стремительно нарастать. Одним из важнейших факторов стала угроза голода: в стране остро стояла продовольственная проблема, особенно ощутимой была нехватка зерна. Росла безработица, связанная частично с тем, что после февральской революции Россия оказалась неспособна финансово поддерживать военные заказы для финской промышленности. Кроме того, тысячи финских рабочих были вынуждены вернуться из России домой²⁷⁴. Политическая ситуация становилась взрывоопасной.

Окончательным толчком к гражданской войне послужила попытка правительства (сената) навести в стране «строгий порядок». В распоряжении сената не было национальной армии, и главной проблемой для обеих противостоявших сторон являлось создание собственных вооружённых сил, возглавляемых профессиональными военными. Назначенный главнокомандующим шюцкором генерал Густав Маннергейм, незадолго до этого демобилизовавшийся из российской армии, отправился в г. Вааса, куда перебралось из беспокойного Гельсингфорса (Хельсинки) и правительство. 25 января шюцкор был объявлен правительственными войсками, а 27 января Исполнительный комитет финляндских рабочих создал революционное правительство и объявил о начале восстания. 28 января весь Гельсингфорс был в руках Красной гвардии. Совет народных уполномоченных Финляндии (*Suomen kansanvaltuuskunta*) объявил себя революционным правительством страны и принял декларацию «К рабочим и гражданам Финляндии!». Началось вооружённое противостояние.

---

²⁷³ См.: Витухновская-Кауппала М. Финский вопрос в Государственной Думе и Временном правительстве, 1914–1917 гг. От большой «программы русификации» до проектов полного самоуправления // Первая мировая война и Государственная Дума: мат. междунар. науч. конф. Казань, 17–18 октября 2014 г. / сост. и отв. ред. Р. А. Циунчук. М., 2015. С. 59–67.

²⁷⁴ *Naapala P. Vuoden 1917 kriisi // Naapala P., Hoppu T., Fingerroos O. [et al.]. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki, 2009. S. 85; См также: Ibid. The Expected and Non-expected Roots of Chaos: Preconditions of the Finnish Civil War // The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / toim. T. Terora, A. Roselius. P. 21–50.*

Страна оказалась перерезана линией фронта с запада на восток – от Пори до Выборга. Более густонаселённый, промышленный юг находился в руках красных, во много раз бóльшая по площади северная часть страны была под белыми. Общее число противостоявших военных сил было приблизительно одинаковым. Предполагается, что одновременно под ружьём в рядах красных было до 80 тысяч человек. Численность войск сената составляла от 80 до 90 тысяч бойцов²⁷⁵.

25 февраля в Ваасу прибыло подкрепление из Германии, состоявшее из девяти сот егерей²⁷⁶. Роль егерей в победе белых была весьма значительной (историк Хейкки Юликангас считает её даже определяющей)²⁷⁷, так как, в отличие от необученных бойцов белой армии, состоявшей из добровольцев, по преимуществу крестьян, егеря получили военную выучку и боевой опыт²⁷⁸. На стороне белых участвовали в войне и шведские добровольцы (в разное время их численность была различной, достигая максимально 1100 человек)²⁷⁹.

На всём протяжении Первой мировой войны в Финляндии дислоцировались русские войска; к середине января 1918 года численность солдат и матросов составляла приблизительно 42 500 человек²⁸⁰. Это была часть воинской группировки, в задачу которой входило предотвращение немецкого прорыва к Петрограду. В регионах, контролируемых белыми, в общей сложности около 8000²⁸¹ (по другим сведениям, 7500²⁸²) русских военных были незамедлительно разоружены отрядами шюцкора²⁸³. Однако в южной части Финляндии, находившейся под властью красных, часть российских военных сражалась на их стороне. Максимальное число русских в рядах красных составляло одновременно 3700–3800 человек; после заключения Брестского мира русские солдаты начали покидать Финляндию. К концу марта на фронтах гражданской войны сражалось около двух тысяч русских добровольцев²⁸⁴.

При этом присутствие русских войск в Финляндии было важным фактором в глазах большевистской власти вплоть до заключения Брестского мира. Ленин и его соратники предполагали, что русские солдаты, находясь в Финляндии, могли бы оказать помощь финским красным. Они всячески подстрекали своих финских единомышленников и поощряли продолжать революцию. Шаткая позиция большевиков внутри России не давала им возможности помогать финским красным в таком объёме, на который те рассчитывали, однако они всё же оказали массивную помощь оружием, продовольствием и медикаментами²⁸⁵.

Боевые действия длились всего два из трёх с половиной месяцев войны. Особой драматичностью и жестокостью отличалось сражение за красный Тампере, начавшееся с окружения города белыми 15 марта и завершившееся сдачей Тампере красными 6 апреля. В ходе ожесточённых битв погибло около двух тысяч человек (около 800 белых и около 1100 красных).

²⁷⁵ Hoppu T. Taistelevat osapuolet ja johtajat // Haapala P., Hoppu T., Fingerroos O. [et al.]. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 129, 137–138.

²⁷⁶ Lauerma M. Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27: vaiheet ja vaikutus. Porvoo, 1966. S. 825–830.

²⁷⁷ Ylikangas H. Suomen historian solmukohtat. Helsinki, 2007. S. 217.

²⁷⁸ Суждение о важной роли егерей в победе белых высказывают многие финские историки. См. например интервью Лассе Лааксонена «Егеря сыграли решающую роль в междоусобной войне – и играли важную роль в мирное время» (Jääkärit ratkaisivat sisällissodan – tärkeä rooli rauhan aikana). URL: <https://www.mtv.fi/uutiset/kotimaa/artikkeli/dosentti-jaakarit-ratkaisivat-sisallissodan-tarkearooli-rauhan-aikana/4817024#gs.I9bMNX8>

²⁷⁹ Hoppu T. Taistelevat osapuolet ja johtajat. S. 130.

²⁸⁰ Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978. S. 21.

²⁸¹ Ibid. S. 21.

²⁸² Ylikangas H. Op. cit. S. 213.

²⁸³ Venäläissurmat Suomessa vuosina 1914–22. Osa 2.1. Helsinki, 2004. S. 45–175.

²⁸⁴ Tanskanen A. Op. cit. S. 205–207.

²⁸⁵ Ibid. S. 32–33, 35–62.

Точное число попавших в плен красных до сих пор не подсчитано; по разным источникам, эта цифра варьируется от девяти до одиннадцати тысяч²⁸⁶.

В ответ на просьбу председателя финского правительства Пера Свинхувуда Германия уже в феврале приняла решение о военной помощи Финляндии (следует отметить, что главнокомандующий Маннергейм был решительно против обращения к немецкой помощи). Но уже до отправки в Финляндию воинского контингента белые получили из Германии помощь оружием. После заключения Брестского мира 3 марта 1918 года значительный немецкий воинский контингент был высвобожден на восточном фронте, и часть войск стало возможно отправить в Финляндию. Важнейшей задачей немцев было предотвращение восстановления восточного фронта Первой мировой войны (к тому времени отряды Антанты уже высадились в Мурманске). 3 апреля в Ханко десантировалась немецкая Балтийская дивизия (*Ostsee-Division*) в составе 10 240 солдат и 105 офицеров с вооружением²⁸⁷.

Появление немецкой дивизии ускорило, а возможно, и решило исход войны: силы белых получили решающий перевес. Начиная с этого времени красные лишь отступали, хотя сдача почти каждого населённого пункта превращалась в тяжёлое сражение. Битва за Хельсинки длилась с 11 по 13 апреля, число погибших в ней составляло более 400 человек²⁸⁸. 29 апреля после жестоких сражений был взят Выборг. 2 мая, когда победа белых была окончательно предрешена, сенат вернулся в Хельсинки. 14 мая из форта Ино был эвакуирован русский гарнизон. Часть финских революционных командиров и почти весь Совет народных уполномоченных эмигрировали в Россию. Гражданская война закончилась²⁸⁹.

Уже в ходе гражданской войны обе противоборствующие стороны проявили большой интерес к карельскому вопросу. Так, правительство красных финнов – Совет народных уполномоченных – в феврале вёл переговоры с советским правительством, в ходе которых внимательно рассматривался карельский вопрос. А. А. Левкоев в своей диссертации и статьях уделяет внимание этим переговорам²⁹⁰. Левкоев поясняет, что вопрос Восточной Карелии изучался совместным подготовительным комитетом. С финской стороны в него входили: в качестве сопредседателя – будущий создатель Карельской трудовой коммуны Эдвард Гюллинг, а также Юхо Кирвес, Оскари То-кой, Эдвард Валпасс-Хяннинен и секретарь Суло Вуолийоки. С российской стороны участниками переговоров были сопредседатель А. Л. Шейнман, В. М. Смирнов, Ш. З. Элиава и А. В. Шотман²⁹¹.

Как писал позже Гюллинг, социал-демократы путём переговоров с Советской Россией стремились к обмену «близкорасположенных к Петрограду дач» (имея в виду дачные районы Карельского перешейка) на Олонецкую и Беломорскую Карелию, в результате чего «Финляндия приобрела бы значительные территории и естественные границы»²⁹². Этот вопрос обсуждался в подготовительном комитете, но, поскольку текст договора нужно было подготовить немедленно, а достаточного количества материалов не имелось, в текст договора вошла лишь статья 16-я о назначении смешанной комиссии для точного определения границы между Финляндией и Россией²⁹³.

---

²⁸⁶ *Hoppu T.* Tampereen valtausoperaatio // Haapala P., Hoppu T., Fingerroos O. [et al.]. *Sisällissodan pikkujättiläinen*. S. 197.

²⁸⁷ *Hentilä M., Hentilä S.* Saksalainen Suomi 1918. Helsinki, 2016. S. 81.

²⁸⁸ *Hoppu T.* Valkoisten voitto // Haapala P., Hoppu T., Fingerroos O. [et al.]. *Sisällissodan pikkujättiläinen*. S. 202–207.

²⁸⁹ *Ibid.* S. 222.

²⁹⁰ *Левкоев А. А.* Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928).

²⁹¹ *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1932 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск, 1995.

²⁹² *Gylling E.* Ensimmäinen sosialististen tasavaltain välinen sopimus // *Kommunisti*. 1928. № 1. S. 25. Перевод статьи на русский язык см.: http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=4034:pervyj-dogovor-soczialisticheskix-respublik&catid=25:memory&Itemid=2

²⁹³ *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1932 гг.). С. 25.

Результатом переговоров стало заключение Договора о дружбе между Совнаркомом и Советом народных уполномоченных (СНУ). Его 16-я статья предполагала создание подкомитета по вопросу об изменении границ «между двумя социалистическими государствами». Совет народных уполномоченных рассчитывал, «что заключение Договора подготовит в обмен на поддержку советского правительства присоединение к Финляндии „восточной половины исторической Карелии“ в „естественных“ границах»²⁹⁴. Требования красных финнов о больших территориальных уступках были отклонены большевиками, однако они добились права повлиять в будущем на судьбу Карелии. Наиболее важным пунктом договора, подписанного 1 марта 1918 года в Петрограде, стал параграф № 15, предусматривавший отчуждение в полную собственность Финляндии территории Карелии и Мурмана, «если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением»²⁹⁵.

Как отмечает Стейси Черчилль, решение финскими красными «карельского вопроса» давало бы им серьёзный козырь в противостоянии с белыми: они могли бы утверждать, что белые должны обвинять самих себя за потерю тех восточно-карельских территорий, которые Финляндия могла бы обрести в случае победы красных²⁹⁶.

Этот договор, в случае реализации, имел бы большое значение для Финляндии и Карелии. Однако он так и не вступил в силу, поскольку белые, победившие в финской гражданской войне, аннулировали его. Ими был предложен свой вариант решения карельского вопроса, который опирался на концепцию «Великой Финляндии» и имел в своей основе стремление националистических активистов использовать удобный исторический момент для её реализации.

---

²⁹⁴ Дубровская Е. Ю., Кораблёв Н. А. Указ. соч. С. 291.

²⁹⁵ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 380.

²⁹⁶ Churchill S. Op. cit. S. 168.

5.2. Подготовка финского «освободительного похода» в Беломорскую Карелию

Обретение Финляндией независимости вдохновило её националистически настроенных политиков. Странников концепта «Великой Финляндии» воодушевило ослабление России, и они стремились использовать выпавший им исторический шанс. Значительную роль играла также убежденность большей части белых в том, что они сражаются не с согражданами, а с Россией за свою независимость, – тем самым большевистская Россия в их глазах приобретала статус противника²⁹⁷. Важной причиной подготовки белыми похода в Российскую Карелию стало и то обстоятельство, что часть красных финнов бежала через границу и концентрировалась в приграничных районах Карелии²⁹⁸. Но важнейшую роль всё же сыграло уже описанное нами отношение к Российской Карелии как к ирреденте, оторванной части исторической и будущей «Великой Финляндии».

Вершиной и знаковым событием подготовки карельского похода была знаменитая «Клятва на мече» Верховного главнокомандующего финляндской армии Маннергейма 23 февраля 1918 года. Главнокомандующий, в частности, заявил: «Мы [...] достаточно сильны, чтобы удержать свою свободу и защитить своих братьев в Беломорской Карелии. Нам не нужно принимать, как милостыню, землю, принадлежащую нам и связанную с нами кровными узами, и я клянусь [...] что я не вложу меча в ножны, прежде чем законный порядок не воцарится в стране, [...] прежде чем последний ленинский солдат и бандит не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии»²⁹⁹. Финский историк Раймо Ранта отмечает, что сам по себе этот текст не являлся призывом к немедленному присоединению Карелии, а лишь имел целью вдохновить карел на борьбу с большевиками³⁰⁰. Однако в кругах активистов его истолковали как руководство к действию.

Маннергейм не случайно сконцентрировал в своей знаменитой речи внимание именно на Беломорской Карелии – хотя просьбы о помощи стали чуть позже приходить не оттуда, а из Карелии Олонецкой. Для финских национальных активистов именно Беломорская Карелия представляла собой важнейший объект внимания, они считали этот край колыбелью рунопевческой культуры, бесценным заповедником древней карело-финской традиции. Однако в начале 1918 года военное вторжение Финляндии в пределы России было лишь одним из возможных сценариев, обсуждавшихся белыми политическими деятелями.

В это время в Финляндии в центре общественной дискуссии находились две альтернативы решения карельского вопроса. Военный путь, по мнению финского историка Туомо Полвинена, считался тогда невозможным, так как мог привести к конфликту с Антантой – ведь Финляндия в это время действовала в русле внешней политики Германии³⁰¹. Кроме того, приоритетным направлением во внешнеполитической деятельности страны, как отмечал впослед-

²⁹⁷ По мнению историка Хейкки Юликангаса, участие русских в военных действиях на стороне большевиков было уже в ходе войны сильно преувеличено белыми и использовано ими в пропагандистских целях. «Представление о том, что русских военных следует насильно изгнать из объявившей независимость страны, получило широкую поддержку, – отмечает Юликангас, – война была маркирована прежде всего как освободительная, ведущаяся против русских, хотя никакой войны между странами не было объявлено». Юликангас приводит несколько заявлений белых, в том числе и самого Маннергейма, которые показывают, что, по их мнению, многие из бойцов их армии не были бы готовы сражаться со своими соотечественниками. Маннергейм, в частности, сказал в одном из интервью 1930 года: «Мы бы никогда не смогли привлечь на нашу сторону крестьян, если бы сказали, что сражаемся с красными» (*Ylikangas H.* Op. cit. S. 213).

²⁹⁸ *Vahtola J.* «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 66–67.

²⁹⁹ Цит. по: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 157–158.

³⁰⁰ *Ranta R.* Op. cit. S. 124.

³⁰¹ См.: *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917–1920. Osa 2. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo, 1971. S. 30; *Холодковский В. М.* Указ. соч. С. 23–27.

ствии министр иностранных дел Отто Стенрот, было сохранение нейтралитета и стремление избежать вступления в Первую мировую войну³⁰². Дипломатический вариант заключался бы в попытке давления на Россию через Германию, поскольку прямые переговоры с большевиками финны отвергали³⁰³. Германия не спешила оказывать дипломатическую или военную помощь Финляндии, руководствуясь, прежде всего, своими интересами на Севере России. Планы находившихся в Берлине представителей Ваазасского сената Эдварда Хельта и Рафаэля Эриха по созданию военного союза с Германией выглядели эфемерными³⁰⁴. Финляндия рассматривалась немцами лишь как плацдарм для наступления на Севере России.

Официальные российско-финляндские отношения в начале 1918 года были осложнены не только из-за присутствия русских войск в Финляндии. В феврале в Финляндии были арестованы К. Е. Кованько (представитель РСФСР в Финляндии) и Л. Б. Каменев, а также задержаны два курьера – И. Савицкий и С. Вольф³⁰⁵. Реакцией советского правительства стали ответные аресты финнов в Петрограде. Итогом конфликта явилось освобождение арестованных по политическим мотивам русских в Финляндии и финнов в России³⁰⁶. Второй советско-финляндский конфликт произошёл в Финском заливе и был связан с отсутствием морской границы: в августе финской батареей был обстрелян советский эсминец, а финны, в свою очередь, заявили, что их судно подорвалось на советской mine. Подобный конфликт повторился и в ноябре³⁰⁷.

Не было единодушия и в финском политическом классе. Так, сенаторы Пер Эвинд Свинхувуд и Хейкки Ренвалл не видели препятствий для ведения военных действий в Карелии с целью создания «Великой Финляндии». Их главным аргументом было то, по их мнению, Финляндия находилась в состоянии войны с Россией, и, таким образом, ничто не мешало финнам захватить Карелию³⁰⁸. Министр иностранных дел Отто Стенрот отмечал в своих мемуарах наличие «военного положения» между Финляндией и Россией и, как и Свинхувуд, он был заинтересован в помощи Германии в решении карельского вопроса³⁰⁹. При этом Стенрот являлся противником военных действий и выступал за путь переговоров при посредничестве Германии³¹⁰. Представители партии аграриев Сантери Алкио, Артур Оливер Вуоримаа и Вальтер Освальд Сивен активно высказывались за присоединение Российской Карелии, но были против включения третьих стран в этот процесс. Завоевание Карелии с помощью Германии Алкио считал авантюрой³¹¹.

В вопросе о сотрудничестве с Германией Маннергейм занимал аналогичную позицию. По его мнению, пребывание немецких войск в Финляндии и прогерманская ориентация страны являлись вынужденной мерой, а поход в Восточную Карелию должен был быть осуществлён собственными силами³¹². Впоследствии Маннергейм обвинил руководство Финляндии, настоявшее на избрании королём германского принца, в близорукости³¹³. На переговорах с лидерами Карельского просветительского общества Маннергейм подчёркивал, что основным при-

³⁰² *Stenroth O.* Puoli vuotta Suomen ensimmäisenä ulkoministerinä. Tapahtumia ja muistelmia. Helsinki, 1931. S. 33.

³⁰³ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. S. 30.

³⁰⁴ *Stenroth O.* Op. cit. S. 76, 77.

³⁰⁵ *Чистиков А. Н.* Территориально-политические проблемы отношений России с Финляндией и Германией // Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 / отв. ред. В. А. Шишкин. СПб., 1995. С. 180, 181.

³⁰⁶ Там же. С. 182, 183.

³⁰⁷ *Рыцарев А. И., Чистиков А. Н.* Указ. соч. С. 27, 29.

³⁰⁸ *Vahtola J.* «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 37.

³⁰⁹ *Stenroth O.* Op. cit. S. 63.

³¹⁰ *Ibid.* S. 76, 77, 84.

³¹¹ *Mylly J.* Maalaisliitto ja turvallisuuspolitiikka. Suomen ulkopolitiikka ja turvallisuuskysymykset agraaripuolueen politiikassa maan itsenäistymisestä talvisotaan. 1, Aktiivisesta heimopolitiikasta passiiviseen isolatioon 1918–1933. Turku, 1978. S. 81–83.

³¹² *Ivessalo J.* Suomi ja Weimarin Saksa. Helsinki, 1959. S. 3.

³¹³ *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 246.

оритетом является освобождение Карелии, а не её захват, и что Финляндия в данный момент не находится в состоянии войны с Россией. Он также считал, что необходимо пробудить национальное самосознание карел, поднять их на борьбу с большевиками, а Финляндия выступит катализатором процесса – даст толчок этому движению и снабдит карельское население оружием³¹⁴.

В начале марта в Главном штабе белых в г. Вааса было получено известие о том, что Германия была бы готова поддержать поход в Российскую Карелию. Правительство единогласно поддержало идею добровольческого похода и получило поддержку Маннергейма³¹⁵. 6 марта 1918 года один из возвратившихся из Германии егерей, старший лейтенант Курт Мартти Валлениус направил в Генеральный штаб проект похода на Кандалакшу и Кольский полуостров. «Финский народ требует присоединения Олонца, Беломорской Карелии и Кольского полуострова к Финляндии», – заявил он в обоснование необходимости экспедиции³¹⁶. Валлениус рассчитывал на отсутствие сопротивления, так как русских сил в Карелии, как он сообщил, «почти нет»³¹⁷. По его сведениям, разведка располагала сведениями о готовящемся наступлении на Финляндию со стороны «красных финнов», поэтому было необходимо предупредить этот удар³¹⁸.

В Карелии действительно находились красные финны, бежавшие в Советскую Россию после поражения революции в Финляндии, но, как отмечал историк Юкка Невакиви, угроза с их стороны была преувеличена³¹⁹. На самом деле муссирование информации об этой опасности было лишь поводом для вмешательства в дела Карелии. Кроме того, были искажёнными и представления белого правительства и Генерального штаба о реальной ситуации в Российской Карелии: они пользовались сведениями, поступавшими от карел, живших в Финляндии, которые сами часто принимали желаемое за действительное³²⁰.

План Валлениуса был скорректирован в Генеральном штабе и предполагал наступление по трём направлениям: северный отряд должен был перерезать железную дорогу между Кандалакшей и Кемью и далее двигаться на юг; центральный – выйти через Ругозеро к Белому морю в районе Сороки, а южный – овладеть Петрозаводском. После достижения этих целей планировалась оккупация южной Карелии с выходом к Свири³²¹.

---

³¹⁴ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 37, 38.

³¹⁵ Ibid. S. 36–37.

³¹⁶ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 96.

³¹⁷ Nevakivi J. Muurmannin legioona. S. 35.

³¹⁸ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 96.

³¹⁹ Nevakivi J. Muurmannin legioona. S. 32.

³²⁰ Ranta R. Op. cit. S. 124.

³²¹ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 38–40.

5.3. Финские добровольцы в Беломорской Карелии: столкновение мифа с реальностью

15 марта 1918 года Маннергейм отдал приказ добровольческим отрядам о выступлении, и уже 21 марта отряд подполковника К. В. Мальма численностью 350 человек пересёк границу. Мальм, в отличие от многих других участников похода, не относился к числу егерей, напротив, он начинал военную карьеру как офицер русской армии, и лишь во время финской гражданской войны присоединился к шюцкору. Севернее действовал отряд Валлениуса, насчитывавший 1000–1300 человек³²². Наступление на южном направлении пришлось отложить из-за осложнившейся ситуации на Выборгском фронте, где продолжалась финская гражданская война³²³. Финские егеря не остались в стороне от похода. Капитан Тойво Куйсма – активный участник егерского движения командовал одним из отрядов в группе Мальма и наряду с ещё пятнадцатью егерями принимал активное участие в боевых действиях³²⁴. Пользуясь отсутствием пограничной охраны, отряды легко перешли границу. Отряд Мальма не испытывал трудностей со снаряжением, а в обозе имелось порядка двух тысяч винтовок с боеприпасами и продовольствие для карел, желающих присоединиться к финским добровольцам³²⁵.

После стычки в местечке Нивала от попавших в плен двух солдат финны узнали, что им противостоят соотечественники, возглавляемые красными офицерами Алекси Туорила и Ииво Ахава, в распоряжении которых находятся около 1000 бойцов³²⁶. Разбив свой отряд на несколько частей, Валлениус перешёл в наступление в районе Толвандозера, Сокологера и Пяозера. Боевые действия, начатые 6 апреля, длились несколько дней и, по выражению Йоуко Вахтолы закончились ничьей³²⁷. По мнению этого автора, планы красных финнов по нападению на Северную Финляндию были расстроены, а белым, в свою очередь, не удалось достичь успеха в завоевании северной части Беломорской Карелии³²⁸. Ситуация на этом участке стабилизировалась, и до лета наступило затишье.

Отряду подполковника Мальма удалось достигнуть города Кеми, где он встретил сопротивление сводных частей, составленных из рабочих, финских красногвардейцев и архангельских партизан³²⁹.

---

³²² *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 97.

³²³ *Ibid.*

³²⁴ *Lauerma M.* *Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27.* S. 922.

³²⁵ *Vahtola J.* «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S. 103.

³²⁶ *Ibid.* S. 92, 93.

³²⁷ *Ibid.* S. 136, 161.

³²⁸ *Ibid.* S. 161.

³²⁹ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 1944. С. 53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.